

Алла
Лозовская

ЗЕМЛЯ
ПРЕДКОВ

Да, можно жить в пургу,
В дожди, туманы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть.
Твердыни Аккермана
При жизни никому нельзя отдать

О СПОНСОРЕ

Издание этого сборника новелл посвящено яркому событию - 2500-летию

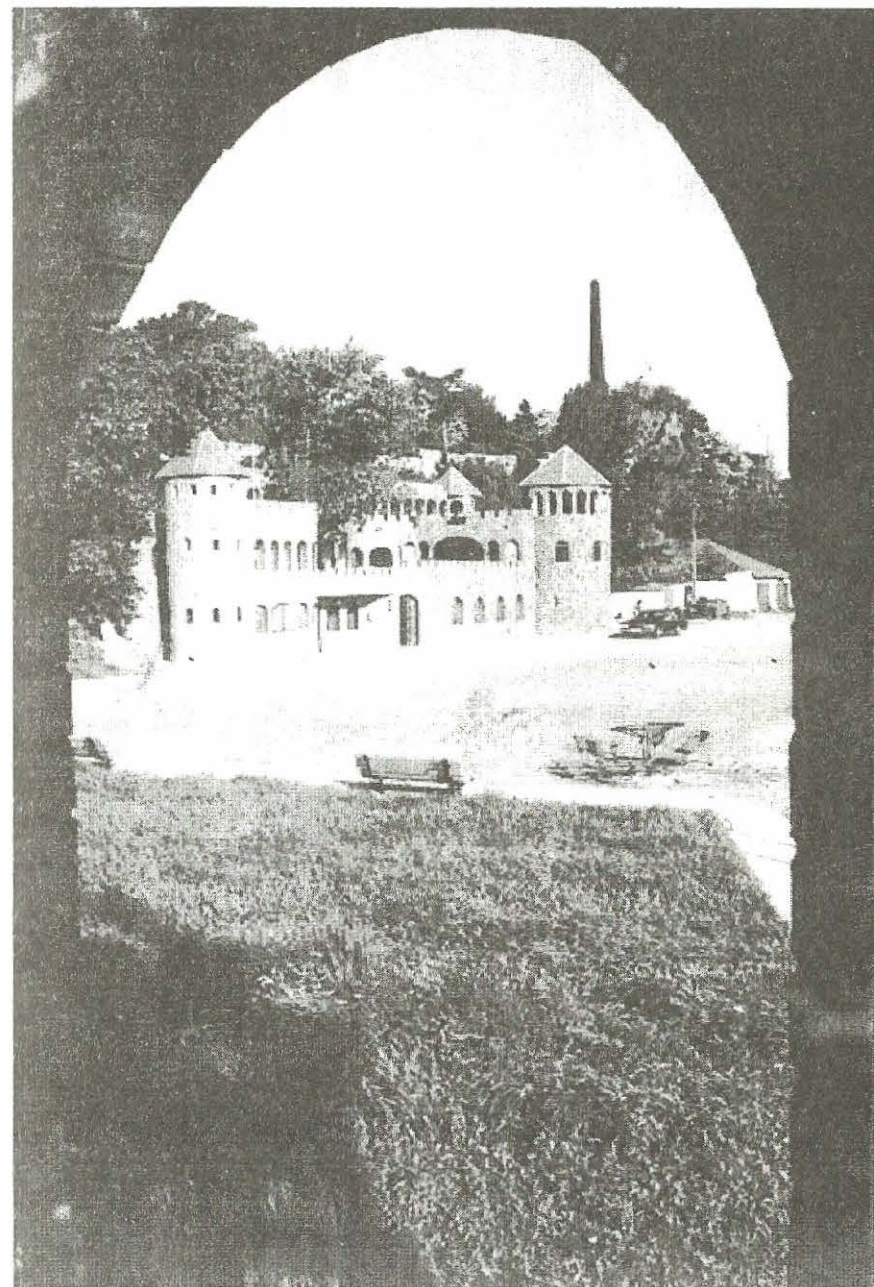
Белгорода-Днестровского

Спонсор - коренной аккерманец. Его корни навечно вросли в эту землю. Прадед рослый, здоровенный, живописными усами, участник Первой мировой войны. Бабушка стояла у истоков жизни, на ее теплых ладонях появлялось не одно поколение хлеборобов.

Владимир Аврамович Ерущенко родился на этой земле, успешно закончил СШ № 2, затем был призван в армию в 1965 г., служил одной из авиачастей Москвы.

После армии свою трудовую деятельность начал в автосервисе. Постепенно стал хозяином, в самом высоком смысле этого слова. Беспрецедентный случай, когда бизнесмен не копит деньги в Швейцарии, а тратит на то, что бы наш город стал краше. Его автографы - это прекрасные замки, это преобразенный детский парк и книга - частичка истории нашего прекрасного города.

Выражаю свою глубокую благодарность за помощь в ее издании. Желая крепкого здоровья и яркой, долгой, созидательной жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На берегу необъятной глади лимана этот замок первым встречает рассвет. Его башни, увенчанные шпилями, и зубчатые стены словно созданы зодчими средневековья. Одна из башен стоит отдельно, словно девушка, шагнувшая в воды лимана и любующаяся на свое изображение в вечном зеркале воды. Я спускаюсь по широкой, длинной лестнице. Ухоженный, чистый пляж. Асфальтированные дорожки. На воде построена площадка для нового сооружения - на мгновение представляю себе эту эстакаду.

Вхожу в бар, расположенный на первом этаже замка. В нишах каменных стен - очаровательные гномики с волшебными фонариками в руках. Они - память о исчезнувших гномиках аккерманского детства десятков поколений... Направо - светлый большой зал с уютными кабинками... Движение руки - и мягкая декоративная штора отделит Вас от всей Вселенной. И лишь телефон будет связывать Вас с внешним миром.

Воплощенная в явь сказка!

Жемчужина, обрамленная в раковину берега! Хозяин этого чуда - Владимир Аврамович Ерущенко.

И если ангелы на небесах ведут учет добрым делам, записывая их в свои скрижали, то в первую очередь они записали его глубокую веру, его неоценимую помощь в реконструкции Болгарской церкви, и помощь светлостроителю нашему иерею Виталию Стеляну. Его почтение и

любовь к своим корням. Его заботу о людях старшего поколения. И его реальную любовь к Белому городу.

Любовь творческую. Любовь созидательную, создавшую симфонию из камня. Это книга о тех, кто после себя оставляет память, изложенную в добрых делах. Эта книга о старом Аккермане. О его истории ("Волны времени"), о жизненных ситуациях. И о любви. Но это - не ностальгия по прошлому. Это крупинки воспоминаний, из которых будет построен прекрасный город будущего. Ведь новое - это воскресшее, забытое старое.

Автор

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Земля предков -	9
Тайна старого альбома -	13
Волны времени -	17
Чтобы помнили. Памяти Марии Симон -	36
Клич одинокого журавля -	40
Именитый гость -	43
Белые хризантемы -	47
Сиреневая тетрадь -	51
Совершенно несекретно -	56
Таинственный остров -	61

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЖИЗНИ

Сигарета для повешенного -	65
Ох, уж эти женщины -	69
Женские истории -	72
Невыдуманная, чуть приукрашенная история -	77
Невыдуманная история (без прикрас) -	81
Мадонна -	86
Семейная реликвия. Взгляд из прошлого -	90
Бархатный сезон -	94

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Я зажигаю лампаду у лика Божьей Матери. Это не икона моего детства. Та икона - благословение бабушки - была уникальная, писаная на коже, старинная, в оправе из серебра. Помню, зажигали лампаду, и лик Мадонны казался живым. Особенно глаза. Сейчас - это просто современный календарь с изображением Владимирской Божьей Матери, от которого аккуратно отрезаю столбики цифр - дней, недель, месяцев.

Только что сварила суп "Мечта пенсионера" из брикетиков "Галина Бланка". Мама сидит на диване - худенькая, седая, такими натруженными тонкими руками в переплетении голубых жилок-сосудов. Сейчас я ее покормлю. Мы живем как все, как многие, как можно прожить на 37 маминих гривень мою пенсию. Но мы безмерно богаты. Наше сокровище - это наши воспоминания, и мы готовы поделиться всем - и супом и мыслями о далеком, очень далеком прошлом.

Наши горожане всегда почтительно и трепетно относились к памяти князей Волконских. И я, преклоняясь перед светлой памятью княгини Лидии Александровны, должна признаться - мы твоя частичка Аккерман! Также занесенные ветрами Истории и уносимые в Небытие...

Мои предки со стороны отца были вольными запорожскими казаками.

Мои предки со стороны матери ведут родословную с 1511 года.

Это на столетие старше фамилии Романовых.

Мать матери, Марина Феликсовна Доливо-Скомпская занесена в Бессарабию огненными сполохами Польского восстания. Ее отец Феликс Доливо-Скомпский погиб. Он был полковником повстанческих войск. А родоначальником нашего генеалогического древа является Ян Скомпский, Калишский, управление которого приходилось между Анжуйскими (1382 г. Людовик Анжуйский) и Валуа (1575 г. Генрих Валуа). Это чем-то напоминает мне романы Александра Дюма.

В полумраке наступившего вечера мы вспоминаем семейную легенду. Легенду, слово в слово, подтвержденную Герольдмейстером Дворянского Соборания Юга Украины Юрием Синюгиным...

Рыцари в шлемах ведут смертельный бой с турками под Плешковым. 1709 год. Под одним рыцарем убит конь... Но, сошедши с коня смелый рыцарь идет на штурм. Плешков освобожден от турок! Вечная слава тебе, Николай Скомпский! Вечная память тебе, посвятившему свою жизнь служению Господу и нашедшему вечный покой в монастыре, в Каменце!

Мы представляем себе живописную картину царской охоты - сильные, ловкие, молодые, в старинных одеждах на быстроногих скакунах. Летящая свора борзых собак. Мелодичный звук охотничьего рога. Трубит в рог Матей Скомпский, Галицкий ловчий. 1778 год!

Еще в восемнадцатом веке, будучи Гербовым, в Каминское

воеводство водворенные, Александр и Павел Скомпские именовались Столбовыми дворянами. Затем, продав земли в Тарново, Новавесь и Сплавце, приобрели Сувалковские земли (1757 г.)

Мы никогда не были в Сувалках!

А бабушка тосковала по городу своего детства. Сувалки современные - это геоатмосферный заповедник, город озер и лесов.

В Сувалках был замок наших предков. В огромном старинном зале, как вспоминала бабушка, украшенном вереницей семейных потемневших портретов, освещенных свечами в канделябрах, у камина - пушистая медвежья шкура. А у окна необыкновенно красивый клавесин инкрустированный перламутром. Очевидно, он рассыхался от тепла камина. Ночью клавесин издавал странные звуки. Обитатели замка осеняли себя крестом, убежденные в том, что на клавесине играет моя прабабушка Стефания. Она умерла, дав жизнь моей бабушке. Похоронили ее у костела в величественном мраморном склепе. Похоронили в лиловом платье. Но в глубине сада, у озера, когда поднимался туман, многие видели ее призрак. Она появлялась всегда в одном месте в ветвях трех тополей, растущих из одного корня. Невесомая, воздушная, нежная женщина в белом платье. Вот такое семейное привидение. А на озере, вспоминала бабушка, плавали десятки серых лебедей.

А карету с гербом запрягали цугом!

Это когда в упряжке много лошадей, одна за другой. Бабушку отвезли в Варшаву, в Мариинскую гимназию. Потом огненный смерч Восстания, Мировая I и II войны. Все сгорело. Но память осталась.

Сувалковское воеводство и родной Белый город - в нашей памяти Вы побратимы. По вашим водным просторам носятся белоснежные яхты. Над Вами единый купол синего неба и одно солнце.

Мечется под порывом ветра огонек лампы.

Наша жизнь - как этот огонек. Сумеет ли мы пережить еще одну зиму?

Ты - наш последний рубеж, благословенная земля Аккермана, где крепость, история которой столь богата сражениями, стоит как "церковь на крови".

Наш город - младший брат Рима и сверстник экзотической Бухары, идущий навстречу своему 2500-летию... наш город - земля отцов. Мы будем любить тебя до последнего дыхания, Аккерман!

ТАЙНА СТАРОГО АЛЬБОМА

Он лежит у меня на коленях - массивный, в малиновом бархате, со сломанными металлическими застежками. В нем старые фотографии. Архив семьи, архив поколения, архив города - ведь мы все его дети. Я не умею фотографировать. Просто коллекционирую. Считаю, что фотографии - это застывшие мгновения. Поэтому я их и берегу и сохраняю, еще далекие, довоенные. С первых листов альбома на меня смотрит мама - большеглазая, с короткой стрижкой. В ту пору она пела песни Вертинского. Папа - удивительно молодой и красивый. Шла война 1914 года. Отец Георгиевский кавалер в мундире русского офицера. Бабушка - помню, носила золотое пенсне и черное муаровое платье. Какое красивое детство она подарила нам! Лик Божьей Матери, писанный на коже - удивительно живое лицо, освещенное лампадой. Старинная фарфоровая лампа со стеклом. Мы - я и сестра в своих кроватках и бабушка, читающая нам перед сном "Маленького лорда Фонтлероя", "Княжну Нину Джаваху", Пушкина, отчего детство потом, спустя годы, откликнулось в воспоминаниях Марины Цветаевой - ей в детстве читали те же книги.

Я часто беру в руки фотографии паренька. Боже, как умели любить в те годы! На обороте - посвящение маме: "Помни, что я готов отдать жизнь за тебя. Только твой, Вася. Аккерман. 18 марта 1923 года". Человека нет давно. Пример, что любовь длится дольше чем жизнь.

В памяти живет старый заснеженный Аккерман, когда еще не было ни электричества, ни машин. Снега стояли выше одноэтажных домов, по улицам в снегу пробивались туннели. А вокруг рынка - вереница саней-извозчиков. Летом - кабриолеты с откидным кожаным верхом, зимой - сани с меховыми пологам! На лошадях нарядные золотистые сетки, бубенцы, кисти. Воду возили бочками. Стирала редко, да много. По улицам продавцы носили рыбу - копченую кефаль продавали ящиками. На крепостной площади шумел цирк. Старинная карусель с лошадьми и куполом, с которого свисали нити бисера, создавая иллюзию искрометного полета. Выездной музей мадам Тиссо. Почему-то запомнилась Клеопатра. Розовая, восковая, необыкновенной красоты. Благодаря механизму в груди (ее периодически "заводили" как патефон) она дышала, а искусственная змея извивалась в ее руках.

... Я родилась в старом Аккермане при земской больнице. Там работали мои родители. Мои предки со стороны отца - настоящие запорожские казаки. А бабушка передала мне в наследство генетическую память отсвет Польского восстания. Из-за него она эмигрировала в Бессарабию. Бабушка была ревностная католичка, а дедушка был сыном бессарабского священника отца Эммануила. Сколько этот брак принес страданий обеим семьям?!

А я, почему-то не выезжая из Аккермана, родилась в королевстве. В королевстве моего детства. Страной правил 5-летний ребенок. Это история города. Король Михай 1921 года рождения, а я появилась на свет в 1930 году. Конечно вместо короля правила мать, королева Мария, а затем Карл II.

Старый альбом хранит мое свидетельство о рождении и почтовую марку с портретом юного Михая. Но я скрывать не буду - больше всего любила королеву моего детства. По происхождению русская, англичанка Мария, завоевала сердца детей сказками. Да, не политическими трактатами, а волшебными сказками об Иляне Косынзане - красавице умнице, и парне, которого звали Фэт Фрумос. У королевы был псевдоним - "Кармен Сильва". Сказки издавались на мелованой бумаге и с прекрасными иллюстрациями. Королева смотрела на своих аккерманских подданных с портрета красивая женщина с короткой стрижкой, в черном закрытом платье. На шее струились многорядные нити жемчуга. О чем помнят старые аккерманцы: о тайне королевы.

Королева любила. Она любила человека, который носил сиреневые шелковые рубашки. Это была такая большая, прекрасная любовь! Он заплатил своей кровью, своей жизнью за любовь королевы. А маленький принц Мирча был найден мертвым в своей колыбельке.

На улице Вокзальной, угол Дзержинского есть старое здание. В фундаменте дома - капсула памяти - послание

потомкам. Когда-нибудь оно расскажет о "Сочиетале принца Мирча" - благотворительном обществе, основанном королевой во имя спасения детей-грудничков. В нем долгие годы работала моя мама. А королева трагически погибла еще до войны. Я не помню сколько мне было лет. Восемь? Девять? Газеты "Курентул", "Универсул" в черных траурных рамках. Черные бархатные и шелковые знамена рядом с трикулором. Казалось, сумерки нависли над Аккерманом. И вдруг по радио (тогда впервые зазвучало радио) - завещание королевы: "Мои подданные! Я ненавижу черный цвет! Немедленно снимите черный креп и знамена! Помните, ваша королева любит - навечно - сиреневый цвет!"

Любимый мой Аккерман! Я помню лето, деревья в густой зелени. И флаги, флаги, - их было много, от нежно-сиреневого цвета до густо-фиолетового. Это было так красиво, как может быть только в чистых глазах ребенка, как-будто расцвели миллионы кустов сирени. Вспоминаю с теплотой об этом реквиеме любви. Поймите, не официальная символика, а большая любовь; перед которой склонились сильные мира и народы. Свое сердце королева завещала хранить в хрустальном сосуде, в гроте, у берега моря, в месте встреч с любимым. Это Добруджа, Балчик. А тело завещала похоронить при монастыре.

Сколько же еще не раскрытых тайн хранит наш древний город!..

ВОЛНЫ ВРЕМЕНИ

1 часть

До 1940 года я окончила начальную школу - два класса в школе имени Королевы Марии и последующие два в школе Ковриг. Аккерманцы старше меня и сверстники помнят - в каждом классе за успеваемость вручали медаль: золотую, серебряную или бронзовую. Конец учебного года отмечался очень торжественно, даже в начальной школе: отличников под "Многие лета" награждали медалями, им надевали венки из живых цветов, вручали подарки. Моя сестра училась во втором классе аккерманского женского теоретического лицея. Я была бронзовой медалисткой, и, сдав вступительные экзамены, тоже поступила в лицей, в первый класс. Поступающие в лицей получали эмблему лицея и номер-матрикулу. У моей сестренки был 14, мой 220. Матрикулу носили с гордостью. Она обязывалась достойно вести себя в лицее и вне его. Любопытный житель города мог сообщить в дирекцию о поступках того или другого лицеиста. И очень часто в дирекцию приходили от граждан города благодарности за хорошее воспитание детей. Каждое утро на пороге класса на встречу встречала классная дама. Она придирчиво осматривала наш внешний вид, чистоту, аккуратность. Проверяла длину гимназической формы (длина стандартная, 15 см от пола). Безукоризненно белые воротнички, черный атласный бант. Никаких замысловатых причесок: волосы уложены под

устую шелковую сетку. И обязательно - черная бархатная ленточка вокруг головы.

Наша классная дама - маленького роста, остроносенькая, вся голова в ниспадающих локонах - она напоминала изысканную птичку. Старшеклассники за глаза дали ей кличку Удод (пупеза). Она учила нас делать реверансы, легкие приседания, книксены или глубокий, полный, королевский реверанс. Классная дама сидела на каждом уроке за последней партой. Она тщательно следила за дисциплиной на уроках. Тут уж, конечно, было не до "морского боя" или "крестиков-ноликов" на "камчатке". Все внимание - профессору.

На уроках французского языка постоянно шел диалог между преподавателем и ученицами. Распевали "Марсельезу", танцевали под смешные французские песенки, учили басни Лафонтена. Мне нравились уроки музыки и рисования, истории - особенно эпохи Ренессанса.

Нас учили манерам, такту, кулинарии, искусству вести хозяйство. На уроках труда - шитью очаровательных детских вещичек, то есть всему, что необходимо во взрослой домашней жизни.

А на уроках Закона Божьего нас учили Новому Завету. Урок вел священник. Детские сердца озарял свет учения Иисуса Христа. Этот свет возникал в нашем сознании в белых одеждах и терновом венце. Детская чистая вера

окупалась высокой нравственностью. Вера дарила Ангела Хранителя с сияющими белоснежными крыльями. У каждого свой Ангел-Хранитель, который плакал от огорчения, когда совершалась шалость или дурной поступок и радовался содеянному добру. Такое понятие как "детская преступность" в те далекие годы не существовало.

Каждое утро мы выстраивались по классам в холле на утреннюю молитву.

Однажды, когда занятия ввиду ремонта проводились в мужской гимназии (педучилище), мы молились в холле на втором этаже. Маленькая часовенка, примыкающая к актовому залу, широко распахнула свои врата. Горели свечи... Дружный, монотонный хор голосов бубнил "Отче наш" на латыни. Случайно взглянув в окно, я ахнула - на ветвях деревьев сидели около десятка ослепленных утренним солнцем сов.

Но в память врезалась другая молитва. Зимнее утро. Траурный колокольный звон плывет над заснеженным городом. На главных магистралях снег почему-то тщательно опрыскивают красной краской. Что случилось? Директриса на утренней молитве срывающимся голосом рассказала нам о поражении немцев под Сталинградом. Нас заставили стать на колени и молиться за победу немецкой армии. Но мои сверстницы - НЕПОКОРНЫЕ аккерманские девчонки! По всем рядам на русском, с придыханием: "Всем, всем, всем! Молитесь за победу наших!" Как мы молились! За отцов и братьев,

ушедших в Красную Армию! Какая это была молитва! Горячая и чистая, такой потрясающей силы, что я и сейчас верю, что она была услышана Господом.

А волны времени катились...

И наступил...1812 год...

По аналогии с бегством Наполеона из России так я называю 1944-й, .

Началось! Красная Армия наступала. Где-то в верховьях Днестра перерезаны пути отступления, и деморализованная немецкая армия ринулась через тебя, мой родной, многострадальный город. Отступающие войска шли непрерывной колонной, чудовищным неиссякаемым потоком, дни и ночи: пушки, танки, грузовики, пехота. Этот дракон подобрал в себя не только остатки разгромленных армий, но и насильно угоняемое население из Приднестровья (Транснистрии). Люди, дети, скарб на повозках, мычащие олодные коровы... Ни в одном страшном фильме не было того, что ты перенес мой город.

Невозможно было перейти дорогу, чтобы набрать из колонки ведро воды.

С трудом, пробившись сквозь эту толпу я, все-таки, добралась до маленького сквера в начале улицы Дзержинского (Николаевской) к колонке и ахнула: скверик был наполнен пленными красноармейцами. Я бросилась домой к маме и рассказала о том, что видела. Моментально стали

резать хлеб из запасников. Мгновенно с сестрой надел гимназическую форму. Еще несколько минут - и две девочки как из школьного учебника - две худенькие девочки с бантами делают реверанс немецкому конвоиру. Он стоит, широко расставив ноги, рука на автомате. На четком румынском языке дети просят разрешения покормить пленных, и удивленный немец дает согласие. А в ушах у нас звучит мамин предостережение: "Ради всего святого... Если только одно единственное слово по-русски..." Я молчу, стараясь не выдать себя и близких. Я не поднимаю глаз, потому что глаза кричат. Я вижу только руки, руки... Они тянутся ко мне, я вкладываю каждую ломтик хлеба. Какие это руки! Черные от земли пороха и застывшей крови. Дома я так плачу! Мама утешает: "Ничего, девочки, их будут гнать мимо наших окон". У нас оставалось еще три хлеба. И вот - появляется колонна военнопленных. Мама распахивает окно: "Девочки, простенки". Мы, дети войны, ученые - это на случай, если будет очередь из автомата. Мама очень рискует, но смело бросает в окно одну за другой булочки хлеба.

Топот... Тишина... И голос: "Спасибо, матушка!

Эти слова для нас самая дорогая награда...

Как радовался мой Ангел-Хранитель!...

Часть 2.

Красная Армия одерживала победу за победой. В городе - эвакуация местного населения. Эвакуация принудительная. Каждому рабочему, служащему выдается пособие, равное трехмесячному окладу. Предоставляется бесплатно грузовик для перевозки вещей на вокзал. На вокзале можно погрузить вещи, сесть в вагон без билета, и уехать в Румынию. Оставшимся грозил расстрел. Мы - аборигены. Мы остаемся жить и умирать здесь. Нас нигде и никто не ждет...

А мы ждем!

Опустели дома. Заколочены двери, окна. Город во власти арьергардной части, именуемой "горными охотниками". Часть передислоцирована с предгорий Кавказа. Солдаты грабят, убивают, насилуют. Военный комендант издает указ о строгом наказании случаев мародерства... Этот указ развешен по всему городу...

ВОСПОМИНАНИЕ О ГРАММОФОНЕ

Он был нашим единственным утешением, красавец граммофон. Его ящик из красного дерева, с блестящим диском. Его большой рожок розово-перламутрового цвета и фирменная марка - забавный щенок прислушивается к музыке, слушает граммофон. Среди горки пластинок со старинными вальсами, танго - три заветные. На них наклеены иностранные, немецкие этикетки. Первая пластинка - кавалерийская. Песня называлась "Полюшко-поле". Вторая

была издана в первые месяцы войны. Грудной голос с печалью выводил: "Были три друга-товарища в маленьком городе N. Были три друга-товарища взяты фашистами в плен". Далее в песне о том, как все трое не выдали военную тайну и приняли мученическую смерть. "Их закопали за городом, возле разрушенных стен. Вот погибли товарищи в маленьком городе N". Нам казалось, что это наши близкие люди, и похоронили их возле крепостных стен. Боль и горечь снимала третья пластинка. Она давала веру в Победу:

"Стоит страна Советов.

Могуча, как утес.

И бури не боится,

И не боится гроз".

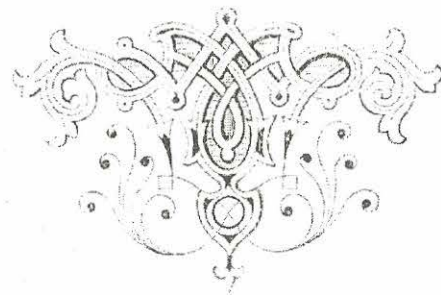
Несчетное количество раз, ночью мы баррикадировали окна и двери подушками, перинами, тюфяками - создавали звукопроницаемость, чтобы услышать заветные слова...

Но наступил черный день, когда в дом ворвались вооруженные бандиты. Распахнули шкаф, стали собирать в узлы ценные вещи. Ухватили наш единственный источник света - керосиновую лампу. И вдруг в гостиной увидели граммофон с пластинками. Они захватили их - и бежать. Мама мгновенно оценила ситуацию. Дело не в ценности вещей. Когда вместо ожидаемой "Лили Марлен" прозвучат слова о стране Советов, они рассвирепеют. Они вернутся и всех расстреляют. Какая она смелая, мама. Стройная, красивая, большеглазая.

Она участвовала в обороне Одессы, была медсестрой в истребительном батальоне, охранявшем Одесский аэродром. Она под огнем перевязывала и выносила раненых. Сама была ранена, попала в госпиталь и была демобилизована. И осталась навеки живым неизвестным солдатом в нашем городе.

А в те минуты она бросилась к группе военных (ими кишел город). Командир сражен просьбой красивой женщины о помощи. Он рад выполнить распоряжение коменданта. Он отдает приказ своим солдатам! Город горит. Особенно высокое пламя и дым там, где сейчас магазин "Оптика" и бывший "Детский мир". Удаляющиеся фигуры мародеров видны отчетливо. Солдаты кричат "Стой!" - и, становясь на одно колено, прицеливаются из винтовок. Выстрелы, выстрелы, выстрелы... Грабители, чуя реальную опасность, бросают трофеи и скрываются посреди руин.

Нам торжественно принесли и вручили простреленный граммофон и кучу разбитых пластинок. Это было спасением...

Часть 3

Еще тогда, когда через город двигалась лавина отступавших воинских частей, начались бомбардировки. И никогда не забыть ночь на 14-е апреля. Это была страшная ночь Эскадрилья, сбросив бомбы, сменяется новой - и так бесчисленное количество раз. Бомбы падали со свистом выматывающим душу. Это был непрерывный смертоносный град. Десятки взрывов одновременно. Дома, как игрушки поднимались в воздух и рассыпались на глазах. Зеленоватый мертвящий свет ракет на парашютах давал четкую видимость. Полное отсутствие тени - и кажется, что ты виден, как на ладони. Выли от ужаса собаки, мычали по дворам коровы. Мама прижимала нас к земле своим телом, всем своим существом, чтобы спасти, уберечь от осколков. Я молилась. В проеме двери металась бабушка и кричала: "Будь проклята Гитлер". После той страшной ночи мы уходили в глубокий подвал соседнего брошенного дома. Уходили не одни - нас сопровождала кошка Грета. Но сначала она тщательно прятала новорожденных котят в ящик шифоньера. Животные - они тоже знают, что такое война. В глубоком подвале светила парафиновая плашка, освещающая лик Николая Чудотворца. Слышались отдаленные, глухие взрывы. Лишь иногда подвал дрожал и с потолка сыпались струйки песка... А потом ужас попадания бомбы в наш дом... Ситуация в Аккермане сложилась неординарная. Одесса освобождена 10-го апреля.

Шли дни за днями, но знойным летом 1944-го казалось, что время застыло. Власти покинули город. И все, кто ждал Красную Армию вышли из подполья. Ждали с нетерпением. Но в панике бежавших офицеров, сигуранцы вернули из бухареста в город! Началась расправа. Это был кошмар. Расстрелы шли за городом. Подслушала разговор взрослых - их закопали еще живыми, и долго еще шевелилась земля... У памятника Рябову свежая могила. На дощечке написано "Есенин". За кинотеатром "Октябрь" в сторону детского сада - тяжелый трупный запах... Собрав остатки скарба мы перебираемся в маленький, незаметный дом по Георгиевской. Под кроватью в пустой квартире обнаруживаю обессиленного от голода и жажды красивого охотничьего пса. Мы теперь живем в прифронтной полосе. Улицы города перекопаны, в разгагах траншей. Мы привыкли к ежедневным артобстрелам из Овидиополя... Одичавшие кошки на деревьях едят шелковицу. Мы с сестрой тоже. Вдруг слышим характерный звук (кляцанье затвора), затем свист снаряда, летящего на город и последующий взрыв. Мы умели определять по звуку направление летящего снаряда, и, опережая взрыв на мгновение, падали, как спелые груши на землю. Собирали с азартом груды осколков-носителей смерти, порою горячих. А вот собаки - они не могут жить в брошенном городе одни. Они приходят доверчиво к человеку. Наше хозяйство увеличивалось с каждым днем. В начале прибыла черная

немецкая овчарка. Во время бомбежки она родила троих щенков: Негуса, Принца и Угрюма (нет Угрюм потом родился был сыном Негуса). К маме привязался очень красивый умный шпиц. Ко мне - преданнейшее существо, следующее по пятам - рыжий, кудрявый Дружок (ударение на первый слог). Жужу - бабушкина, она выросла с нами.

Каждый день в тазу мы варили грандиозную мамалыгу, и остудив, выдавали порции четвероногим друзьям.

Но дедушка рассудил, что собаки могут нас выдать, и увел их к себе, на подворье. Дедушка и бабушка жили в маленьком доме возле крепости.

А город преобразился!

Брошенные города быстро зарастают. Наш Аккерман чем-то напоминал джунгли.

В некоторых местах густые, непроходимые травы поднялись стеной. Тротуары также превратились в непроходимые дебри потому что ветви деревьев опустились до земли. Промелькнуть мышкой мимо часового было совсем несложно. Однажды сквозь прутья решетки я пробралась в охраняемый склад за дефицитной солью... Я умела так тихо набрать воды, чтобы не звякнуло ведро... Улицы же таили опасность. Безопаснее было перемахнуть через забор в пределах квартала. Тревожны были и походы в село - обменять вещи на продукты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заросли. Руины. Дымящиеся пожарища. Зигзаги траншей. Боронки. Но Аккерман - жил и умирал героически. Умирали лучшие из лучших, оставаясь навсегда безымянными. В руинных застенках, там, где сегодня под детскими пальчиками рождается водопад звуков в музыкальной школе по ул. Пушкина на стенах и ставнях обнаружены прощальные слова тех, кого уводили на расстрел. А в подвалах, на сене, на земле, вздрагивающей от взрывов, рождались дети. Мама единственная, кто оказывал медицинскую помощь гражданскому населению в то страшное время. Я знаю, сколько младенцев родились в то фронтовое лето - четырнадцать! Потому что мы с сестренкой четырнадцать раз оставались одни в сумраке бомбоубежища, считая долгие минуты до рассвета. И каждый раз поздравляли маму с новорожденным, девочкой или мальчиком, с торжеством жизни. Потому что, это тоже героизм - сражаться за жизнь матери и ребенка в фронтовой полосе...

Война... Она врезалась в детскую память как постоянное чувство опасности. Война - это кровь и детский плач. Это ослепительный свет прожекторов и мертвящий свет осветительных ракет на парашютах. Это минные поля... Однажды, тоскуя по лиману, я забрела на поле с натяжными противопехотными минами. Весь берег, все причалы были минированными. Только малый вес, ловкость и осторожность да самое главное - Ангел-хранитель спасли меня, не дали взлететь.

Война - это когда маму вели под прицелом по улицам города. Она спешила к нам, приняв роды, и нарвалась на патруль.

Война - это завывание моторов самолета, свист бомб и оглушительные взрывы, и море, море огня.

Но всему бывает конец!

Рассвет 23 августа 1944 года был ярким, солнечным. А бой самый главный, за освобождение старого Аккермана вспоминается как очищающая гроза в сполохах молний и грома.

В подвале прислушиваемся к звукам боя - они приближались, оглушали нас. Затем звуки боя стали удаляться.

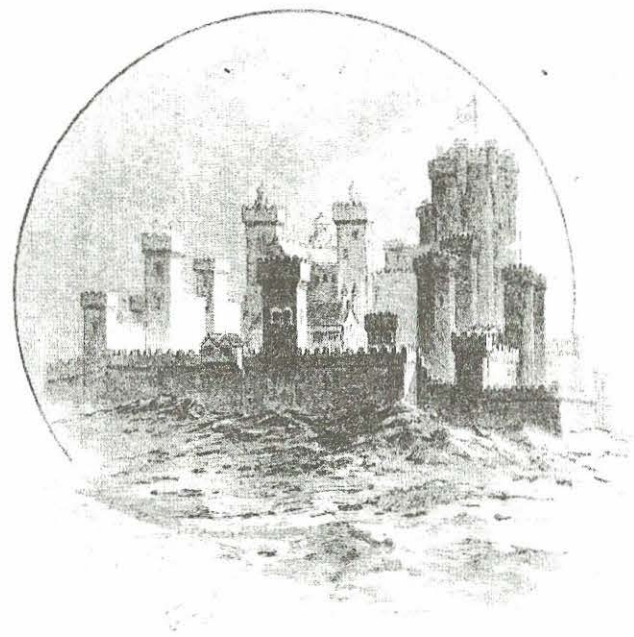
А дальше события разворачивались так.

Когда первые отряды десанта Красной Армии высадились на Аккерманскую твердыню, когда алое знамя на нашей гимназии (СШ № 1) было поднято Шатровым в непроходимых зарослях, отряд сориентировался: там где лают собаки должны быть люди! (поэтому в предыдущих главах я писала о наших четвероногих друзьях). И первым встреченным гражданином жившим неподалеку от крепости, был мой родной дедушка Еремей Эммануилович Постолаки. Он стал проводником отряда, повел отряд на комендатуру, помог организовать складирование трофейного оружия.

А когда бой закончился, привел отряд к нам. Задыхаясь от счастья, мы бросились обнимать освободителей. Какой это был счастливый день - 23 августа 1944 года! И какая наступила тихая, звенящая ночь! Какое блаженство - детский тихий сон!

Смертоносный девятый вал времени схлынул. Город просыпался истерзанный, израненный, но величавый. Просыпался, чтобы строить и залечивать раны.

Старого Аккермана уже не было. Со дня освобождения городу присвоено название Белгород-Днестровский.

Часть 4.

РЕКВИЕМ. 1946 ГОД

В мире есть царь,

Этот царь беспощаден.

Голод название ему...

Н. Некрасов.

У меня нет ностальгии по прошлому. Детство было обожжено войной. А юность? Я ни за что не хотела бы, чтобы вернулись мои 16 лет.

Когда-то я писала об этих годах:

“Все это было, было, было,

И память неподвластна тем годам.

В холодных классах и чернила стыли,

И хлеба нам давали... двести грамм”.

То второе послевоенное лето было засушливым. Солнце выжгло все, что могло расти. Из голых обожженных степей по городу двинулись грызуны. Это было грандиозное нашествие. Осенние опавшие листья вдоль тротуаров шевелились - в них прятались мыши и крысы. Они проникали в каждый дом целыми стаями. Дерзко нападали на кошек. Каждый день мы уничтожали десятки, но их число не убывало. Горбушки хлеба на завтра подвешивали в сеточке к потолку, но, это не спасало, грызуны лезли и туда. Лезли по наружным электропроводам. Все съедобное мгновенно исчезало.

Иногда мыши забирались под одеяло. Представляете нашу реакцию на такое вторжение! Однажды, надевая сапоги, чтобы идти в училище, внутри одного я обнаружила крысу!

В городе началась эпидемия туляремии - заболевания, похожего с чумой. И симптомами: очень высокая температура, острое, смертельно опасное воспаление легких. Вторая форма - легочная: на фоне высочайшей температуры гнойное поражение лимфатических желез. Третья форма - глазная, ведущая к потере зрения. Чтобы противостоять эпидемии все медики были мобилизованы на проведение противотулярийных прививок, .

Зимой стало очень голодно и холодно. Тогда во всех домах Аккермана было печное отопление. Топили камышом, порезанным в плавнях.

Люди от истощения стали падать на улицах. Умиравшие лежали возле хлебных ларьков, прося хлеба. Но им не подавали. За хлебом выстаивали многочасовые очереди. Он выдавался строго по карточкам. Пятьсот граммов - взрослому работающему, двести пятьдесят - иждивенцу. Получишь хлеб на семью - крепко-крепко прижмешь к груди, и бегом домой. Поредкими были случаи, когда нападали, и вырывали его из рук. По улице Шевченко, ближе к памятнику Рябову, был небольшой хлебный ларек. Однажды утром на его ступенях я увидела огромную застывшую лужу крови. Ночью был убит сторож и похищены несколько буханок хлеба.

Крупы и сахар нерегулярно, в мизерных количествах выдавались по карточкам. Добротные и ценные вещи отдавали за гроши, чтобы купить баночку крупы. Или горсточку тюльки.

Голод...

Морг забит умершими от истощения. Взрослые и дети. Некоторые погибшие кажутся полными, с округлыми лицами. Особенно дети. Только ножки очень тонкие. Эпидемия голодных смертей... Все это зашифровано в медицинских документах как ББО - безбелковые отеки, или же форма № 11.

Детский дом заполнен круглыми сиротами. Они напоминают детей-узников Бухенвальда.

Я пишу эти воспоминания с душевной болью. Но это боль не подлежит забвению. А пока - это просто очередная белая страница в истории города.

Постоянное, сосущее чувство голода. Днем и ночью, особенно ночью, когда просыпаешься от "вкусных" снов.

Столовая (на месте магазина "Днестровец" по ул. Ленина), где по талончику студентам и другому голодному люду давали жидкую, синеватую перловую кашу с единичными капельками подсолнечного масла (и сейчас я не переношу перловки). Больницы, где мы, первокурсники медицинского училища, проходили "Общий уход", лежат умирающие от голода люди. Многим уже безразлична еда.

Моя бабушка умерла от голода. От голода затем умер и мой дедушка.

В третьей части повести "Волны времени" я описывала жизнь старого Аккермана в прифронтовой полосе. У нас тогда был целый "питомник" собак. Но четвероногих друзей нечем было кормить, они стали постепенно исчезать.

Мы с сестренкой предполагали: ушли к добрым людям, где кормят. Увы, их просто съели.

Остался только один белоснежный шпиц. Мы с сестренкой делились с ним, отщипывая крохи от своего пайка. Он был удивительно умным. Однажды он принес нам - в руки! - целую буханку теплого хлеба. Голодный пес - голодным детям... И это стало закономерностью! Привлеченный запахами, он незаметно проникал на территорию военной пекарни. Часами лежал неподвижно, изучал обстановку. Улучив нужный момент, бросался к фургону и с трофеем возвращался домой. И всегда отдавал в руки. Мы часто делили булку хлеба на три части и тут же съедали...

Но всполошилась мама. Она принесла нам кусочек хлеба, а мы есть наотрез отказываемся! Мама решила, что мы умираем. И нам пришлось успокоить ее, рассказать, что Друг нас подкармливает. Мама смеялась и плакала, гладила преданное животное.

Холодные, темные улицы... Электростанция малой мощности давала тусклый свет и часто отключалась...

Ложка рыбьего жира, выдаваемая полуголодным подросткам не как лекарство, вызывающее отвращение, а как лакомство!

Памяти Марии Симон посвящаю.

В каждой аккерманской семье была своя трагедия.
 Это всего лишь несколько эпизодов из жизни нашего многострадального городка.

Таков был для моих сограждан, моих сверстниц сверстников 1946 год.

За что вам уготована нищая старость?

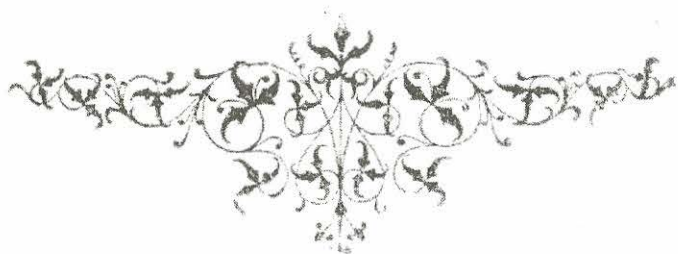
И преклоняя колени перед мраморной плитой, на которой начертаны имена моих близких старшего поколения, приношу им краюшку черного хлеба.

Как на Пискаревском...

Вечная память всем аккерманцам, погибшим от голода! И были сотни, а по городу и району тысячи...

Я помню... (Мы все живем, чтобы помнить...).

И пусть эти строки звучат, как Реквием.

О себе: родилась, как принято говорить - по собственному желанию. Здесь большую роль сыграла медицинская ошибка. На руках у матери была моя крохотная очаровательная дочка. Мои родители питали напрасную надежду, что я появлюсь на свет мальчиком. Я ничем не порадовала в детстве моих родителей. Для меня мир был полон болезней и страданий, для родителей - тревог. Я перенесла все возможные и невозможные детские болезни, инфекции - включительным аккордом была дифтерия. Это обо мне писали "Аkkerманские ведомости" - когда при попытке (третий раз!) удалить миндалины я укусила уважаемого доктора Смоленского. Очередную операцию мне делали в Кишиневе под хлороформным наркозом. Меня даже фотографировали на память - в последний раз! Но я выжила. И во что могла играть девочка со своими старинными куколками с красивыми фарфоровыми личиками и тряпичным тельцем? Конечно, в больницу. Я постоянно лечила своих кукол - и к 10-ти годам, вырастая в медицинской семье, блестяще владела техникой медицинских манипуляций - подкожных, внутримышечных инъекций. Когда мне исполнилось 11 лет, уходя в народное ополчение, мама оставила мне шприцы и ампулы с сердечными средствами. И я делала инъекции, потому что ни "скорой помощи", ни взрослых медиков не было, а город был в огне и дыму. Ничего удивительного в том, что и в 1944 году меня

пригласили делать инъекции камфоры и ставить банки больному воспалением легких.

СЕМЬЯ СИМОН

Мой пациент был живописным стариком, с шапкой белых, голубизны, волос. Из-под густых бровей смотрели добрые голубые глаз. И еще седые усы, как у запорожского казака.

Его жена - моложавая Анна Васильевна - вырастила его двоих сыновей Жоржа и Николая. И дочку Машеньку. Мусю Луциан Антонович был по происхождению французом, сердцем - аккерманцем. Высшее инженерное образование получил в Сорбонне, но всю свою жизнь без остатка посвятил строительству железных дорог. Я перелистывала страницы пожелтевших альбомов, - с экзотическими видами станций, уходящих вдаль дорог, с фотографиями храма, который был построен в глухомани, на личные средства. Я любил перебирать многочисленные царские награды - "За строительство Сибирской транс магистральной", "За просвещение Сибири", "За перепись населения на Камчатке". Муся родилась в Аккермане, была поздним ребенком. На портрете - большеглазая, со стрижкой, модной в тридцатые сороковые годы, Муся казалась девочкой-подростком. Вообще, стены квартиры были увешаны фотографиями удивительно красивых плотных картонных самодельных рамок с растительным орнаментом. На многочисленных фотографиях сцены из постановок украинского театра нашего Аккермана - "Запорожец за Дунаем", "Наталка-Полтавка",

Дай сердцу волю", "На перши гуси", где участвовали молодые члены семьи.

Я с детства любила рисовать. Поэтому листать альбомы Георгия и Николая с акварельными рисунками для меня было большим удовольствием. Их было более сотни, в основном пейзажи Аккермана в разное время года.

"Муся жарит перцы" - так назывался семейный шарж, смотреть на который было невозможно без улыбки. Примус. Сковорода. Безнадёжно сгоревшие перцы, от которых дым, как от пожара. Безмятежно спящая Муся - уткнув нос в подушку - лишь бигуди торчат во все стороны.

Муся медицинская сестра. Она работала в лазарете женской гимназии до 1940 года. В 1940 году Муся вступила в комсомол...

Я читала ее рукописи. Меня потрясли главы Мусино романа. Романа о любви к смелому мотоциклисту на "Стене смерти" - был такой аттракцион на крепостной площади, когда мотоциклист взлетает на вертикальную стену. Но роман остался недописанным...

В ночь на 1-е августа 1941 года семью разбудил громкий стук в дверь. Муся едва успела надеть платье - вишневое в белый горошек. Родители были потрясены - два жандарма схватили Мусю за руки и потащили в пролетку. До изнеможения мать и отец бежали за пролеткой. Часами стояли жандармерии, пытаясь узнать о дочери. Надежда сменялась безнадёжностью... Так прошли долгие годы. Закончилась война. Пришла долгожданная Победа.

Но сыновья, ушедшие на фронт, не вернулись. И Мусья тоже.

Однажды, в 50-е годы, мать повезли в карьер за город. Там была вскрыта могила. И нет слов, таких слов, чтобы описать боль и отчаяние матери, когда среди многих останков мелькнул лоскуток вишневого крепдешина в белый горошек...

Их давно нет. Никого. Но я несу свечу, свет памяти. Чтобы помнили... Медленно поднимаюсь от ворот морского порта семь ступеней. Шквальный ветер треплет волосы, дарит свежий запах лимана и свежий запах степного ковыля. Строго как девочки на Мемориале Славы, стоят три елочки на безымянном обелиске.

Здесь

8 августа 1941 года

зверски

расстреляны

молодые советские активисты...

Чтобы не заплакать - зажмуриваю крепко глаза.

Нет. Это не ели... Это стоят они, молодые, горячие, наши родные аккерманцы. И среди них - девочка в крепдешиновом платье в белый горошек...

Мы все живем, чтобы помнить.

КЛИЧ ОДИНОКОГО ЖУРАВЛЯ

Потрясающие слова есть у Расула Гамзатова о клине улетающих журавлей... Но я не о журавлях. Я - о матери.

Орденосная Одесса готовится чествовать своих освободителей...

Их становится все меньше и меньше...

Косыков журавлиных не жди,

Не разбудит тебя клич их звонкий,

Их оплачут косые дожди

И ветра принесут похоронки...

А.Лозовская

К победе моя семья имеет прямое отношение - в обороне и освобождении Одессы участвовали мои родители.

Но я пишу о матери... Никогда не забуду август 1941 года. Я бегу за колонной народного ополчения. Мама с санитарной сумкой через плечо уходит на войну...

Отец - из детского санатория поселка Затока, где работал до войны, ушел, в огневые сполохи фронта, в июле...

Если бы вы знали, как страшно оставаться без мамы, особенно ночью, когда подвал содрогается от взрывов авиабомб! А днем нечем дышать от гари - горят склады с пшеницей. А знаете, как выглядит солнце сквозь непроницаемый шлейф дыма? Оно совсем маленькое, колодное и чужое...

В Одессе мама стала медицинской сестрой истребительного батальона, расположившегося в одесском аэропорту. В боях,

она ползала по-пластунски перед окопами, перевязывала, вытаскивала раненых. В одном бою она тоже была ранена. Отвезли в госпиталь, который был расположен в больнице ул. Шолом Алейхема. В окровавленной повязке на правой руке, она помогала медикам. Часто сопровождала в морском порт раненых с документами, где их принимали в плавучий госпиталь.

Однажды она возвращалась из госпиталя в трамвае, на передней площадке. Начался авианалет. Трамвай остановился у хлебного магазина. Фашистский летчик прицельно целенаправленно направил груз смерти – бомбу на многолюдную очередь из женщин и детей. Мама успела выскочить из трамвая. Но взрывная волна бросила ее на землю. Когда очнулась – вместо трамвая груды искореженного дымящегося металла... кровь, кровь... Ни одного живого существа – оказывать помощь некому! Рядом ехал легковой автомобиль. Осколком снесло кабину... вместе с головой шофера. Из шеи алым фонтаном била кровь, разбрызгиваясь по стеклу... А руки шофера продолжали судорожно крутить баранку – машина катилась вперед!

Война, налеты, снаряды... Кому она нужна, эта война?

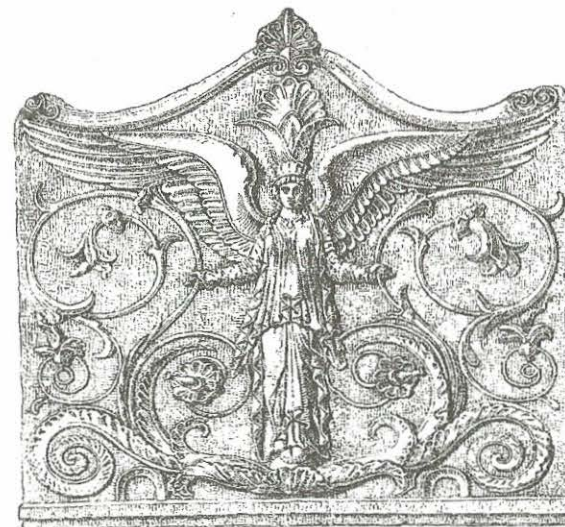
Мама из того ушедшего поколения, которое отдавало "последний жар дыхания, и пламя мысли, и биение сердца" Родине. Конечно, не так высокопарно, но она любит говорить, что воевала за нашу Родину "за так". У нее нет заслуженных наград. Пенсия у нее минимальная. Лишь однажды у меня вырвалось сетование на такую жизнь, которая не жизнь, а

борьба за выживание. От сытого, преуспевающего хама я слышала циничное: "Ха, да будьте Вы хоть участниками Куликовской битвы!"

Давно ушли в забвение участники и Куликовской, и Первой мировой. Мама 1905 года рождения. С ясной памятью, мудростью и добротой. Все ее соратники, участники Великой Отечественной войны, ушли навсегда за горизонт.

Каждый год 9-го мая города чествуют своих ветеранов, чья судьба увешана наградами. Склоняются знамена, и возлагаются цветы над могилами погибших.

Люди, в небе уже нет клина журавлей! В небе над вами парит на последнем дыхании старенький журавлик... Помните, люди, улетающих в небытие ЖИВЫХ НЕИЗВЕСТНЫХ СОЛДАТ!

ИМЕНИТЫЙ ГОСТЬ

Город еще не оправился от фронтовых ран. Руины. Воронки. Пожарища. Дома с окнами, выбитыми взрывами ...

Но в город уже ворвался живительный поток людей, ворвался, чтобы поднимать его из развалин.

- Я - рассказывает Лидия Трофимовна Логвиненко, работала в эвакуораспределителе, который размещался в небольшом двухэтажном коттедже по ул. Шевченко (на его месте сейчас построена новая гостиница). Мы принимали и устраивали вначале раненых из госпиталей, а затем командировочных и прибывающих на работу.

Однажды - это было это летом 1946 года - нас все переполюбовал звонок из горисполкома. В буджакские степи, целью проверки воинских подразделений, следовало послать легендарный командарм, маршал Жуков. На изрытых воронками дорогах у него сломалась машина. Председателем горисполкома Сергеевым был дан приказ приготовить все для непродолжительному отдыху именитого командарма.

Все, сотрудники старались навести чистоту и уют.

Наконец Георгий Константинович прибыл! Я, девчонка, любопытством разглядывала его мужественное лицо, коренастую фигуру. Поразило меня то, что заместитель был его точной копией, двойником. Я провела маршала в его скромные апартаменты.

В холле расположились сопровождающие лица, все молодые,

но в высоких чинах.

Затаив дыхание, я дежурила у своей конторки.

Молодые офицеры не отдыхали. Они о чем-то шептались, смеялись. Вдруг послышались тяжелые, неторопливые шаги, скрип старой деревянной лестницы. Я выскочила. Офицеры тоже. Он подошел к ним и что-то тихо сказал. Два адъютанта ринулись наверх. Я замерла, потому что не знала причину. В трещинах старого здания были клопы. Мы с ними воевали, обдавали кипятком, выжигали... Но клопы побеждали в "сражении".

Георгий Константинович попросил у меня умыться. Я отвела его в убогую умывальную комнату. С тревогой вспомнила, что в эвакуораспределителе, нет полотенец. Рванула дверцу старенького шкафа, выхватила чистенькую старенькую наволочку. Жуков не возмутился. Чуткий и скромный, он понимал ситуацию. И я услышала от него добрые, проникновенные слова.

* * *

После этого происшествия силы и средства горисполкома были брошены на реставрацию и ремонт эвакуораспределителя и он стал подлинным уютным очагом, похожим на семейный.

Но вскоре сюда поселили одну даму - депутата Верховного Совета. Не называю ее имени... Ее поселили в "люксовый" номер. В стене номера была хорошо выбеленная печь с духовкой.

Решили протопить. Тут и получился конфуз! Из незамеченной щели в духовке вылез тот единственный выживший клоп. Чуть тут было! Крики, оскорбления, жалобы по инстанции. Бедного администратора довели до предынфарктного состояния.

Вот такая параллель. Чем величественнее человек, тем скромнее.

* * *

Я записала воспоминания Лидии Трофимовны о встрече с легендарным полководцем. Свои воспоминания она озаглавила одним словом: "Скромность". Я прочла эти странички некоторым людям. Их реакция: "Этого никогда не было. Жуков никогда не посещал Белгород-Днестровский, а в это время был в Германии". И так далее. Я ходила в библиотеки. Безрезультатно. Я опрашивала ветеранов. И наконец, подтверждение! С июня 1946 по март 1947 командующий Одесским военным округом неоднократно бывал в Аккермане!

5-6 сентября, возвращаясь с Тарутинского полигона, где располагался учебный центр, Георгий Константинович специально посетил Белгород-Днестровский по одной причине, здесь начальником тыла дивизии служил полковник Щукин Иван Васильевич, проживавший по ул. Калинина, 3. В время службы Жукова на Дальнем Востоке Щукин был у него старшиной. А Жуков командовал эскадрой!

Старые боевые товарищи встретились в 1-ом военном городке по ул. Шабской. Они обнялись, похлопали по-мужски друг друга по спине. Иван Васильевич вытер набежавшие слезы. А Жуков сказал: "Ну. Иван, у нас с тобой в эскадроне на Дальнем Востоке порядка было побольше, чем у тебя в дивизии".

* * *

Через две недели в Белгород-Днестровский гарнизон были доставлены пятнадцать вагонов 2-х ярусных кроватей, один вагон оконного стекла и три вагона пиломатериалов...

* * *

Мой собеседник, весьма заслуженный человек, замолчал... Уверена, что он несся мыслями в то далекое время, когда он лично встречался с Человеком, подарившим миру Победу. Он просил не называть его имени. Я тихо попрощалась. Он вынул часы - такие, какие носили в старину на цепочке. На крышке циферблата был отчеканен профиль маршала Жукова и выгравирована дарственная надпись.

БЕЛЫЕ ХРИЗАНТЕМЫ

Я давно не бывала в Кишиневе.

У вокзала - величественный монумент героического комдива Котовского. Я всегда возлагала к постаменту пышные белые хризантемы.

Сейчас, после перестройки, говорят, что кишиневские власти долго решали: снести монумент или оставить. После раздумий сменили мемориальную доску. Главное слово начертанное на ней, - "РАЗБОЙНИК"...

Вот что однажды вечером поведала наша прабабушка, когда за окном грохотал гром и сиреневые зигзагообразные молнии делали гигантские прочерки на небе. На телеэкране мелькали всадники, а когда на экране появилось мужественное лицо крупного бритоголового человека, прабабушка воскликнула "Да, я помню его таким!" Мы выключили телевизор из-за грозы. Но нас уже не пугали сполохи и грозные раскаты грома. Мы погрузились в прошлое, в мир воспоминаний прабабушки и такой необычной яркой жизни...

Рассказ прабабушки

"А случилось это ровно 80 лет тому назад. Шел 1917 год. Мне - 12 лет. В нашей семье были еще два брата. Отец - сын священника. Мама эмигрантка из Польши, юная графиня (столбовая, гербовая дворянка) - сирота, ее отец, полковник повстанческих войск, геройски погиб. Они любили друг друга, отец и мать. Но старшее поколение было против их

любовь. Но из-за религиозных разногласий, что очень усложняло их жизнь.

Отец - почти двухметрового роста, статный, с охапкой темных, слегка вьющихся волос. Сероглазый. Носил усы. Мама - маленькая, хрупкая, с удивительно красивыми "аристократическими" руками и волной пепельных волос. Отец имел высшее образование инженера-агронома. Он работал управляющим имением у помещиков Горчаковых-Кантакузинов-Маврокордати. Обладал горячим темпераментом. Он был правдолюбом, не терпел несправедливости ни по отношению к себе, ни к селянам. Поэтому часто увольнялся, и мы очутились в поисках нового места работы.

А жизнь - она во все времена жизнь. Светлая полоса сменяется темной. В той далекой светлой полосе у нас был красивый дом, большая библиотека, пианино, охотничьи собаки и моя, лично моя, верховая лошадь Рита. Верховой езде научил меня отец. Несмотря на свой юный возраст, я уверенно держалась в седле и предпочитала ездить по скакалки - стоя в стременах.

После стремительной верховой езды я торжественно съезжала по мраморным ступеням в холл, чтобы полюбоваться своим отражением в огромном (от пола до потолка) зеркале...

Но наступила черная полоса. Все рушилось. Отца стали преследовать за прогрессивные взгляды. Он был против войны, которая требовала молодых жизней, приносила кошмар газовых атак и аэропланов с бомбами. Шла Первая

Мировая империалистическая война. Почему-то не стало дома, ни книг, ни лошади... Семья испытывала большие материальные трудности. Снова переезд и... нищета дверью.

Спасением могла бы стать корова кормилица. Долго, очень долго собирались трудовые деньги. И наступил день, когда мама привела корову купленную на ярмарке. Но неопытную, обманули! Корова была бело-черная безростая красавица. Вымя - огромное. Счастье семьи - безгранично. Радовались, ликовали целый день и ночь. А утром радость погасла. Оказалось - корова незрячая. Слепую корову папаша вернул из стада. Она падала в ложбины, натываясь на изгороди и деревья, жалобно мычала. Выход один - корову надо срочно продавать! От огорчения у мамы случился сердечный приступ. И на ярмарку корову пришлось вести маме. Было это в местечке Карпенены, возле Ганчешт (ныне Котовск).

С чем можно сравнить августовскую ярмарку Приднестровских степях? Расписные многоцветные кувшины, соперничавшие с бухарскими, ковры, горы алых, изумрудных, малахитовых и золотисто-желтых фруктов и овощей, ажурные плетения корзин... Говор толпы... Ржание коней, в которых пороят... Крестьянки в сборчатых юбках и фартуках, в косынках по самые брови. Мужики в льняных домотканых одеждах, подпоясанные широкими, в узорах, поясами. Пляшущие жгучие цыганки в пестрых цветастых шальварках, монистами - ожерельями из золотых и серебряных монет, которые звенели при каждом движении плеч.

Как я была одинока в этой толпе! Катилось по небу горячее августовское солнце... Нестерпимо хотелось пить... Купателей не было... От отчаяния я начала плакать. Может быть из-за слез я не заметила, как на ярмарке началась суматоха. Торговцы спешно сворачивали товар, торопливо закрывали окна и двери лавчонок, лихорадочно погружали товар на каруцы. Откуда-то из-за Кодр донесся конский топот...

На площади всадники спешили... Ветер гнал обрывки сена, клочья сена... Посреди площади - одинокая детская фигурка. Коса на спине вздрагивает от плача. Лицо закрыто руками. Высокий человек-богатырь спрашивает: "Чего ты плачешь?" Я подняла на него глаза, полные слез: "Корову... слепую... не могу... продать.. А мама... больна...". "Ну, не плачь. Вместе мы справимся!" И зычно закричал: "Эй, продаю корову! Слепую!" Собралась толпа. Наперебой называли цену. Богатырь смеялся и все набавлял. Потом "ударил по рукам" и он отдал мне все вырученные деньги. Я поблагодарила и со счастливых ног понеслась домой. Дома выложила перед мамой купленные "катеринки". Дрожащими руками мама пересчитывала купюры. "Откуда столько? Корова одна, а здесь - целое стадо!" - пошутила она. Скрипнула дверь, зашел сосед-односельчанин. И тут же, у порога, упал на колени, прижимая голову к груди: "Ваша Люська с самим Котовским продавала корову!" Дом заполнили соседи с просьбой подробно рассказать о случившемся...

...Всю зиму в нашу хату шли люди. Они приходили соседних сел, чтобы послушать мой рассказ о Котовском. В сердце каждого бедствующего и обездоленного загорался огонек Надежды на встречу с Великим Разбойником, ведь жил для людей. Да, он грабил богатых, но отдавал все копейки беднякам...

А потому политика - политикой, а память о добре человечности бессмертна! И в другой, светлой полосе жизни уже мои правнуки возложат к памятнику Великого Разбойника букет белоснежных хризантем.

СИРЕНЕВАЯ ТЕТРАДЬ

“...Из великого человека не надо творить маленького идола”

Он всегда жил в сердце каждого жителя Аккермана. Старых фолиантах на полках русской библиотеки времён королевства, в моем детстве... это были тридцатые годы уходящего столетия... В сказках из толстой хрестоматии подаренной нам детям, в волшебных сказках о царе Салтане и о спящей царевне... со старинным шрифтом и древнерусскими “ятями”, по которой я училась читать. Он ворвался в мою юность главами Евгения Онегина. У него я училась гордости и верности... “ведь я другому отдана и буду век ему верна”.

Его следы – теплые следы в крепости, какой местный поэт не описывал его гордый профиль, его атласный цилиндр развивающийся днестровским ветром, черный шелковый платок на башнях крепости в холодном декабре далекого 1821 года. Какой бессарабец не произносит: “Цыгане шумною толпою по Бессарабии кочуют?”

Стихи Пушкина в каждом человеке. Поэтому, преклоняясь перед гением, я долгие годы, сквозь неверную информацию, пыталась понять Александра Сергеевича, как человека. Сознаюсь я чертила в сиреневой тетради его генеалогическое древо – по линии отца и матери. “Со звоном и ржанием, мотая головами, выбивая копытами, комья земли, пронеслись мимо окон кони...” (Ю.Тынянов) – это дед по линии матери Абрам Петрович, умирая, отпустил на волю своих прекрасных коней. А брат отца, Василий Львович был известным стихотворцем. Отец Сергей Львович, талантливо читал стихи Мольера, а в семье одной из любимых игр была светская игра в “буриме” – рифмование. Александр Сергеевич озарил своим творчеством весь девятнадцатый век, “пушкинский” век. В нем витают женские тени, которых спасла от забвения причастность к его имени...

Меня всегда поражало, почему в творчестве поэта ни строчки не посвящено матери? Сознаюсь, я зачитывалась “Избранным” Ю.Тынянова, Павлом Анненковым, Владимиром Соловьевым... О семье А.Пушкина писали: “Дом их представлял собой какой-то хаос. Холодные неприбранные комнаты, унылый обеденный стол - все выдавало отсутствие заботливой хозяйки”. Мир родителей - это балы, гулянья, театр, бесконечные приёмы. Жестокость к детям. Александр имел привычку грызть ногти, терять носовые платки. Ему на целый день связывали руки за спиной и морили голодом! А носовые платки, унижительно пришивали к курточке.

Представьте, какая обида всю жизнь терзала его сердце. Не сумел подняться выше чувств. Он был добрым сыном. И любимчик матери Левушка, а именно Александр, бережно и сердечно ухаживал за матерью, умиравшей на исходе октября 1835 года.

Через два года их похоронили рядом - двух родных людей конца не понявших и недолюбивших друг друга...

Я имела счастье видеть подлинный пушкинский "дамский альбом" и увлеченно перерисовывала из него удивительно красивый профиль Елизаветы Ксаверьевны - тонкие черты её нежного лица. Возмущала ложь. Нас ведь учили, что причиной выселения Александра Сергеевича в Михайловское стал отчет в стихах о нашествии саранчи, которая "летела, села, все съела и отполетела". Истинной причиной изгнания поэта была беременность Елизаветы Ксаверьевны. Граф Воронцов, у гроба своих десяти скоропостижно умерших от дифтерита, признал девочку родной.

А Пушкин метался в Михайловском... Писал и жег письма, сжигая "Гори, гори письмо любви...", "Я не могу сказать, младшей мой..." Что мог дать поэт несчастной, обещанной женщине своему ребенку? Часто сам полуголодный, "во фраке с чужим плеча"...

В Крыму, в одном из дворцов графа Воронцова, в Ситцевской комнате, я зачарованно смотрела на портрет смуглой кудрявой девочки - незаконнорожденной дочери Александра Сергеевича законной Воронцовой...

Жаль давно сожженной заветной сиреневой тетради-альбома с отрывками полюбившихся стихов поэта. Поймёт ли девичья душа как настоящий мужчина мог хвастаться... 128-ю своих возлюбленными?

И больно становится за наивную милую девчушку, одну из 128-ми, Анну Калашникову, которую Александр Сергеевич "отвел в стога, как под венец". Ее беременную, зверски избитую вожжами, отдали замуж за пьяницу-приказчика... Но стихи, посвященные А. К., написаны, возможно, не светской львице Анне, а юной Анне Калашниковой.

И где-то среди нас, возможно, живут без славы и почестей неизвестные потомки Александра Сергеевича.

Несколько слов о гонениях на поэта. Если несколько лет невольного, но привольного жития в Кишиневе есть гонения и бедствия, то, как можно назвать каторгу Тараса Шевченко? По словам Павла Анненкова: "Михайловское - это настоящий центр духовной жизни поэта, неиссякаемый источник мысли, вдохновения".

Единственное бедствие, от которого страдал Пушкин, была цензура.

Едва ли в России когда-либо был писатель, окруженный таким блестящим и плотным кругом понимающих и сочувствующих друзей, как Пущин, Дельви, Горчаков, Жуковский, Баратынский, Плетнев, Булгарин.

Его семья была теплой семьей, дом был теплым домом. Он очень любил своих четверых детей - Машку, Сашку, Гришку и Наташку. Правда, в трудную минуту при появлении первенца он поклялся, что присутствует в первый и последний раз!

В Пушкине, по собственному определению, жили, не связанные между собой, существа - вдохновенный жрец Аполлона и самый грешный из грешных детей мира.

Он осознавал необузданность своих чувственных увлечений. Если своим гением Пушкин стоял выше других и был признателен, сознавая свою эту высоту, то в своем самолюбивом раздражении он падал со своей высоты, становясь на одну доску с другими, недостойными.

Презрение к другим людям, отчужденность, вражда и злоба находила выход в язвительных эпиграммах. Я не стану приводить. В них нет ничего ни гениального, ни христианского. Здесь настоящий ключ к пониманию катастрофы 1837 года. Пушкин никогда не хотел исправить либо перестроить существующую общественную среду. Во всемирной литературе нет другого такого писателя, который при жизни считался общепризнанным поэтом. Вина Александра Сергеевича в том, что он усилием воли не поднялся на ту высоту, где Неуязвимость гения сливается с Незлобием христианина.

Но... произошла трагическая ошибка. Дантес – Геккерен Жозеф Шарль, приемный сын Геккерена Луи Борхарда оправдан историей. Не он автор оскорбительного, язвительного письма Александру Сергеевичу. По современным совершенным графологическим исследованиям, его послал человек с черной душой, кривоногий авантюрист, Петр Долгоруков. И роковые выстрелы прозвучали... если бы погиб Дантес, жених сестры Натальи Пушкин не смог бы жить с руками, обогранными кровью. Последний взрыв злой страсти, уничтоживший физическое существование поэта, озарил его светом духовного очищения. Это было торжество духа и примирения с Богом. “Блажен, кто праздник жизни рано, оставил, не дожив до дна...”.

И все же он гений. Закончив свою деятельность, как великий поэт одной страны, начал свой труд, как поэт всех веков и народов.

СОВЕРШЕННО НЕСЕКРЕТНО

Долгое время я хранила заветную тетрадь, в которой записывала природные явления, случившиеся в нашем городе. Это естественно, неординарные явления. Но так случилось, что при переезде тетрадь затерялась, поэтому я попытаюсь восстановить эти полузабытые записи по памяти.

Исследованием занялась в 1935 году. Золотой берег моря, прозрачная зеленоватая вода в кружеве пены. Дети, собирающие раковины. Кстати, фауна моря претерпела значительные изменения. Море было насыщено рыбами, кальмарами, крабами. А ракушки в основном были белозубые, полупрозрачные, овальные. Я щеголяла обновой - на мне были штанишки голубого цвета в белую клетку с большим удобным карманом на животе. Я сосредоточенно собирала ракушки, складывая в карман.

Было жарко. И вдруг - откуда-то возник ветер, поднявший облаку песка. Улетели шляпы, зонтики, пляжные коврики. Море стало темным, беспокойным, нависли черные облака. Недалеко отчетливо вырисовался темный вращающийся столб, соединяющий море с тучами. Меня схватили и понесли к даче. Я кричала, а из кармана сыпались ракушки...

1940 год. Школа на ул. Советской, где сейчас находится школа “Прометей”. Урок ведет классовод Илья Ильич Володарский. Внезапно закачалась электрическая лампочка, висящая на длинном шнуре, “поехали” парты. Надо отдать должное учителю - он вывел всех детей из класса, а сам вышел последним...

ночью землетрясение повторилось. Земля вздрагивала ногами. Звенела и падала, разбивалась посуда из серва. Помню ужас, охвативший нас, когда мы безуспешно пытались открыть двери - перекосило раму двери, и мы выскочили через окно. Многие здания дали трещины. Пострадала крепость - рухнула угловая башня, та, чьи развалины и сейчас находятся живописной скалы, именуемой старожилами "крокодиловой пастью".

Дедушка рассказывал, что в двадцатых годах пострадала от землетрясения крепость, рухнула часть стены цитадели, обнаружив тонкокостный скелет с лавиной черных волос на колен. В стене - заживо, стоя, была замурована турчанка, покорившаяся хану гордая жительница Аккермана, свеклющая и долюбивая невольница!

В 1941 году всех аккерманцев потрясла комета - яркая, длинным хвостом. Все утверждали, что такое явление бывает только в войне.

1956 год, 5 сентября. Ясно помню эту ночь. Густо насыщенный электричеством, - сотни всполохов молний без грома. Ночь бессонная и страшная. И, действительно, ночь была страшной для Сергеевки.

В Сергеевке было... цунами! Интересно, в девяностых годах лично читала статью в местной газете. На тревожный вопрос читательницы, может ли быть цунами в Сергеевке, категоричный ответ: цунами бывает только на Дальнем Востоке, у нас "не бывает и не может быть". Давайте же поверим правде - было! Морская волна поднялась до 20 метров! Люди спасались на крышах, снимали вертолетами и отвозили в Кишинев.

в городскую больницу, где работала моя мама, был доставлен в неврологическое отделение единственный пострадавший (повторяю, всех остальных пострадавших доставили в Кишинев). Этот человек был капитаном небольшого теплохода. У него было сотрясение мозга и многочисленные ушибы. Вот что он рассказывал: "Ночь была странная, грозовая - без грома. Внезапно слышались крики со стороны моря. Я направил корабль на помощь... внезапно суденышки поднялись на волну огромной высоты... А дальше ничего не помню, провал памяти. Меня нашли на суше, далеко от берега. Нет ни команды, ни корабля..."

Хозяйство района понесло значительный ущерб - погибло множество скота.

Считаю своим долгом успокоить жителей приморских сел и Сергеевки - есть научное основание утверждать, что такое больше не повторится. Цунами на Дальнем Востоке возникает в результате сильного землетрясения дна Океана. Но если поднять центральные газеты сорокалетней давности, то крупными буквами было напечатано на первых страницах об Испытательном Взрыве атомной бомбы НА БОЛЬШОЙ ВЫСОТЕ, в воздухе. Причиной морской волны (и это было совершенно секретно) была ударная волна.

Многие из нас помнят землетрясение 5 марта 1996 года, раскачивающиеся 9-ти этажные дома, падающие и разбивающиеся телевизоры, посуду. Сколько горожан провели ночи в гаражах (безопасно!) и под открытым небом - ожидалось повторные толчки, некоторые здания дали трещины. О том землетрясении тоже можно написать: "Жертв и разрушений

не было". Хотя был пострадавший: обрушившаяся штукатурка ранила пациента одного из лечебных учреждений города.

1986 - траурный год. Год Чернобыля. Конец августа - начал сентября. Теплое море. Я купалась ночью в свете луны, море казалось пронизанным фосфорическими блестками. Находясь на даче, я сняла купальник, и на нем горели зеленоватые огоньки. Проснулась от подземного гула, воя собак, от того что деревянная дача двигалась каждой дощечкой! Выскочила на улицу. Там стояла чугунная ванна, наполненная водой. Так вот эта ванна, будто подбрасываемая рукой гиганта, ритмично подпрыгивала, подскакивала на целый метр! И, конечно, было страшно. Я думала, вдруг поднимется морская волна, даже железнодорожной насыпи, покроет все строения. А на завтра с окон поезда будет видна поблескивающая гладь моря и никаких двуногих млекопитающих с их сложными душевными мирами... Только морская гладь и солнце... Но подземный шквал шел не со стороны моря, а со стороны суши, и наутро обнаружила, что море отступило, обнажив широкую полосу своего дна.

А потом наступили черные дни гибели "Нахимова", унесшие много жизней, дорогих жизней наших земляков...

В начале 90-х годов, летом, было два землетрясения. Первое, днем, я почти не ощутила. А ночью я проснулась от накатывающего на меня ужаса - это ощущение дает инфразвук. Наверное, такое же чувство испытывают люди в Бермудском треугольнике. Впрочем, жертв и разрушений тоже не было...

Все эти наблюдения, хотя далеко не профессиональны, дают основание предполагать, что наш город по географическому строению почвы является относительно сейсмически устойчивым.

Надо помнить, что в пригороде была серия серьезных наводнений, в результате чего были переселены многие семьи рыбаков на Мокрых Чаирах...

Интересно было и то, что в начале девяностых в селе Петровке Белгород-Днестровского района приземлилась... летающая тарелка! (О чем было сообщено в Белгород-Днестровский РО УМВД и Центр уфологических исследований в Одессе).

Пролетают дни, недели, годы, века, бури, шквалы, землетрясения, летающие тарелки и политические события над нашим древним городом. А он, как непотопляемый корабль, плывет по волнам времени к своему 2500-летию, к гавани Веры, Надежды, Любви!

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Над зыбкой рябью вод
Встает из глубины
Пустынный край земли:
Хребты скалистых гребней,
Обрывы черные,
Потоки красных щебней
Пределы скорбные
Незнаемой страны
Здесь мы найдем обжиги неолита
И скорлупу милетских тонких ваз
И позвонки каких-то пришлых рас,
Чей облик стерт, а имя — позабыто...

Максимилиан Волошин

Предположим, что землетрясение было настолько сильным, что произошло гигантское смещение почвы. Бугаз соединился с Каролино-Бугазом. А вместо узкой полосы суши между морем и лиманом широкая лента Днестра. Уровень воды в лимане настолько снизился, что произошло чудо: напротив города появился остров. Обширный остров, с развалинами напоминающими рухнувшие готические соборы. С руинами жилищ, которые пытаются напомнить нам о некогда струившихся здесь родниках человеческих страданий и судеб. Это фантазия. Но фантазия, связанная с реальной загадкой истории.

Еще в "Естественной истории" Плиния Старшего, римского ученого первого века нашей эры есть описание острова посреди реки Тиря. На старинной карте 1459 года обозначены два рукава Днестра, впадающие в море. А во времена Петра I, его адмирал, Корнелий Крис, заносит на карту этот остров. Несколько лет тому назад экспедиция Института Археологии Академии Наук Украины, изучая дно Днестровского лимана подтвердила, что в глубине - затонувший остров.

А ныне гладь лимана напоминает гигантское зеркало. "Из розовой жемчужиной день лежит в оправе сонного залива".

Но никогда! Остров не поднимется из лиманских глубин. Повествования скифского народа дошли до нас в форме прекрасных легенд и мифов, благодаря сведениям отца истории Геродота, жителя Тиря.

Громада времен скрывает многие тайны Египта и Скифии. Обратимся к отдельным историческим фактам, время донесло до нас имя царя Скифии - Колосай, что означает "Солнце царь". По аналогии дети Солнца - скифы. А египтяне поклонялись богу солнца - Ра.

Вот такая историческая параллель. Объединяющее слово: "Солнцепоклонники".

Загадочно улыбается золотая маска фараона Псамметиха. О том встречах с царем скифии писал Геродот. Существует предание, что прекрасная царица Египта Нефертити родом из Скифии... Существует легенда, что на острове спрятаны сокровища

фараонов... На одном из египетских папирусов изображен фелюга. Такое парусно-гребное судно, водоизмещением 60 тонн, длиной 30 метров, шириной 5 м, осадка 1 м преодолевало многие морские стадии. Возможно, тысячи лет назад, глубокой ночью, судно причалило к острову. Его встречали жрецы, бронзоволицые, темнобородые, в шлемах, украшенных бычьими рогами.

Согнувшись под тяжестью золотого саркофага с барельефом фараона, доверху наполненным крупными алмазами кочевники входили в храм. У ослепительного изображения бога Солнца горел жертвенный огонь. Семь юных черноволосых жриц в сверкающих диадемах в виде змей подносили к губам невольников прохладное ароматное питье. Это питье приготовленное старшим жрецом, усыпит их навеки...

Со скрежетом отодвинулась глыба ракушечника. Невольники, согнувшись под тяжестью груза, уходят в подземелье. В подземелье, охраняемое несчетным количеством ядовитых змей. Офиуза - остров змей...

Это изображение древнеегипетской фелюги я перерисовывала в мастерской М. Волошина с древнего папируса. Прикоснувшись к нему, я почувствовала Пульс времени. Подарив вам сказанье о прошлом, желаю ВСЕМ ВАМ счастливого будущего, мои земляки, жители древней Тире.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЖИЗНИ

СИГАРЕТА ДЛЯ ПОВЕШЕННОГО

(Почти первоапрельская история)

В те далекие предвоенные годы мой дядя, старший брат отжил на углу улиц Болгарской и Кишиневской. У него был свой двор и сад. У калитки дядя сам вырыл колодец, установил колонку, и не было дефицита в чистых, вкусных сармашских водах.

Дом был небольшой, очень уютный, весь пропитанный неопределимо приятно приятным запахом сдобы. Хозяйничала в нем тетя Матильда - себя она именвала Матильдой. Женщина необъятных размеров, так, по крайней мере, мне казалось в детстве. Дядя Павел был худым, тщедушным человечком и казался сыном тети Матильды. Детей у них не было. Всю свою любовь они отдавали нам, родным племянникам. Я очень любила ходить к ним в гости. Любила старинную мебель на гнутых ножках, венские стулья, фарфоровые безделушки, старинные альбомы с дагерротипами, старинные книги - тисненные золотом фолианты. Но больше всего нравилась картина, висящая в столовой - лиман, крепость и большой колесный пароход.

Дело в том, что дядя служил механиком на этом пароходе, преодолевая мили и мили от Аккерманского до Одесского причалов.

Тетя Матильда была замечательной хозяйкой, хлебосольной. На праздники накрывался длинный-предлинный стол с заливными блюдами, со знаменитым салат-де-бэфом, с жареными птицами, фаршированными яблоками, поросятами в сдобной корочке

голубцами из виноградных листьев. И, поднимая бокалы с Шабским вином, взрослые провозглашали здравицы, рассказывали интересные истории. Одна из историй врезалась мне в память - чуть-чуть устарила, чуть-чуть насмешила, и я расскажу ее Вам.

Мама всегда шутила, если я надевала что-либо наизнанку: "Что за семейка, все навыворот". Тогда, слушая рассказ дяди, я удостоверилась в маминой правоте. Дело в том, что оказывается, у нашего дяди Павла сердце было... справа. Он утверждал, что и все другое у него наоборот. Это его не огорчало. Наоборот. Врачи, его обследовавшие, были почему-то от него в восторге. Раз в год он торжественно собирался в Кишинев на обследование. Там его "мучили" (дядя при этом раскатисто хохотал). Его представляли на экзамене, и молодые эскулапы выстукивали, выслушивали - и не находили сердце.

Получался конфуз. Но тут же выступал профессор, объяснял молодым врачам, что не всегда природа создает людей по стандарту. Иногда наоборот. Дядя был горд и доволен, что природа создала его наоборот, в зеркальном отображении. Дядя считал себя человеком для науки, таким светочем, ассистентом профессора. Тем более, что после каждого такого консилиума дядя получал тугой конверт с банкнотами.

Так получилось, что в тот раз дядя Павел опоздал на поезд. Решил пройтись пешком до ближайшего села, где жил его друг, старый моряк, и там переночевать. А утром отправиться домой на попутных.

Стояла золотая осень.

Холмы утопали в виноградниках, утяжеленных гроздьями спелого винограда. Дядя шел бесконечно долго. Кругом - ни души. Наступила ночь, а он, очевидно, сбился с дороги, заблудился. Увидев добротный высокий шалаш, очень обрадовался, и долго, безнадежно звал сторожа. Но никто не отзы-вался. Нарвав янтарные гроздья винограда, утолив голод и жажду, дядя Павел на четвереньках залез в шалаш, на шуршащую подстилку из сена. Сон накатился на него моментально. Проснулся среди ночи от шума. За тонкой стеной шалаша говорили двое. И - курили. Он потянул носом - уловил ароматный запах сигарет "Гольф", очень близкий к "Золотому Руну". Нестер-пимо захотелось курить. (Сигареты еще вечером закончились). Он встал, потянулся во весь свой невысокий рост, затем выглянул в окошко шалаша (оно было без стекла). Просяще протянул: "Ребята, дайте закурить!" Реакция была неадекватная. Ошеломляющая. Дикий крик разорвал тишину ночи. Два человека бросились с криком бежать в разные стороны. Дядя Павел посмотрел им вслед с недоумением... Повернулся и... ахнул. Полная луна освещала шалаш, посередине которого повесился какой-то бедолага. В темноте дядя улегся и спал буквально под его ногами. От усталости не слышал, как подъезжала телега, откуда сошли два представителя власти для охраны, пока утром должны были привезти следователя. Охранникам было жутко. Одни в ночи на многие десятки верст... И вдруг - оживший повешенный просит закурить!

Но это дядя представил себе потом. А в тот момент - единственный имеющий алиби свидетель - Луна - смотрела с околоземных высот в полном недоумении: в разные стороны от шалаша с дикими воплями убегали уже три человека!..

Об этой загадочной истории - как повешенный попросил закурить, еще долго рассказывали шепотом в близлежащих селах. Сверхъестественное и непонятное - оно еще долго будоражило умы односельчан. И еще долго старики, попыхивая трубкой, рассказывали молодым, как хоронили бедолагу - по ходу похоронной процессии пригоршнями разбрасывали сигареты. А могильный холм засыпали не цветами, а папиросами.

Вот такой случай приключился с моим дядей однажды ночью в бескрайних бессарабских виноградниках...

Ох, уж эти женщины!

Даже в прошлых веках женщина-воин не вызывала чувства удивления. Но в семье мы храним литературу о необычных женщинах, и нам хочется поделиться с читателями газеты. Например - женщина Робинзон. В 1865 году некая шхуна была отправлена на остров Святого Николая, с целью переселения нескольких десятков коренных жителей острова на материк. Девятнадцать мужчин, женщин и детей взошли на борт, и тут одна из женщин заметила, что двоих ее детей нет. Предполагая, что они остались, она выпрыгнула в воду и поплыла на остров, рискуя жизнью ради детей. После тщетных поисков она вернулась на берег. Но корабль ушел. Она прожила на острове целых 16 лет. Только в 1881 году экипаж рыбацкого судна под командованием Джорджа Ниведера обнаружил следы человеческого жилья. По словам очевидцев, она не была дикой, хотя разучилась разговаривать. Капитан привез ее в Санта-Барбару.

Но самое интересное в истории - Римский папа Иоанн VIII был женщиной! И это - не скупые строки энциклопедии. Исторически достоверно и документально подтверждено (сохранились более 500 документов), а точнее в 872 году на папский престол был помазан монах-бенедиктинец.

Однажды кардиналы долго искали Иоанна VIII и... обнаружили на полу в дальней комнате Ватикана. Он стонал, корчился от боли. Встревоженные кардиналы решили, что молодого Иоанна VIII отравили. Бережно подняли, отнесли в покои.

Папа, корчившийся от боли, прокричал приказ удалиться. Кардиналы не повиновались. Вызвали срочно доктора. Но, пока доктор появился, родилась девочка!

Мать с ребенком удалили от глаз обслуги и рядовых священников. Документы описывают бурное заседание синода. Во всем упрекали бенедиктинского аббата, постригшего Иоанну в монахини. Но... нельзя не отдать должное ее блестящему уму и глубокую преданности церкви. Иоанна буквально взлетела по церковной иерархической лестнице...

Но церковники жестоко клеймили отца ребенка. Кардинал, осмеливающийся утверждать, что папа стал отцом благодаря Святому духу, был предан анафеме и изгнан... И вся эта скандальная история документирована.

Кардиналы решили скрыть истину - она оскорбила бы весь католический мир. Было объявлено, что папа Иоанн VIII скончался от неизвестной заразной болезни. Новоизбранный Папа устранил имя своего предшественника из всех документов католической церкви... После этого еще столетия сохранялся ритуал проверки, что Римский папа - мужчина.

А далее - документы, не домыслы - сохранили память о романтической любви герцога Милана, который тайно обвенчался на женщине с ребенком. Оказывается, молодой герцог был послан в Ватикан для завершения образования. Иоанна и герцог любили друг друга долгие годы. Еще до того, как Иоанна стала папой. Они были вместе. Они так горячо молились, сознавая свой грех. -70-

Постоянно, часами, днями, месяцами, годами. И Господь, пославший сына своего едиnorodного на жестокие страдания и смерть, во имя искушения всех грехов человеческих, простил им, вновь явленных Адама и Еву.

А вот люди - они не хотят прощать. Не хотят понять, что порой как умирающим в раскаленных песках пустыни от жажды нужен глоток воды, так нужно чудо прощения.

По другой версии - мать и дитя люди убили. Но мне хочется верить в другую версию. Благородная семья, где девочка - единственный ребенок... Молчаливая, красивая женщина в черном бархатном платье, на коленях перед Мадонной в капелле герцогского дворца. Милая общительная девочка - щебетунья, в сказочно-красивом облаке подвенечного платья, об руку с женихом - французским графом, навсегда покидает Милан. Сейчас в Голливуде обсуждается сценарий фильма "Римский папа женщина". И даже грешная актриса Мадонна предложила свои услуги на главную роль. Про все это писали многие газеты мира, даже версию Ватикана, что это - ересь, придуманная протестантами.

А мы все - в грядущем столетии будем смотреть фильм... Пускай ересь, пускай легенду о такой сильной любви, которую пытались скрыть, но весть о которой докатились до нынешних дней, спустя одиннадцать столетий... И дай Вам Бог, дорогие аккерманки, быть любимыми, защищенными... И пусть Любовь возвысит Вас.

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Ей - за семьдесят. Время не отложило отпечаток на правильные черты лица. Волна серебряных волос собрана в пучок. Осанка, красивая, гордая. И руки - такие искусные, талантливые. Я не имею морального права назвать ее имя. Но расскажу историю, которую она мне поведала. Переспрашивать, уточнять даты не стану. Если эти строки попадутся ей на глаза - прошу прощения. Но не писать я не могу. Но если в Белгороде-Днестровском появится человек, который усомнится в подлинном происхождении происшедшего, я приведу дополнительные факты и сумею убедить...

Не знаю точно, в каком это было году, но это было в действительности. Может быть в городском парке. Может быть на берегу нашего лимана. Главное - в сиренево-золотистых сумерках, переходящих в бархатную, сине-черную аккерманскую ночь, они были одни. Казалось - одни во всей Вселенной. Он и она. Молодой инженер-атомщик прибыл в длительную командировку. Фактически они долго проживали под одной крышей. Он был в восторге от крепости, ее величественных башен, от ее истории. Ему понравились уютные улицы - зеленые туннели. Он был опьянен ширью лимана, куполом неба, акварельным окрасом восхода и сочными красками заката. И не равнодушен к стройной, обаятельной девушке. Очень мягкий, тактичный, интеллигентный - таким он ей запомнился. Ее забавляло его умение писать и левой и правой рукой. Она

слушала внимательно рассказ-исповедь о семье - оказалось в его жилах текла и польская, и цыганская кровь. Затем заговорил об одиночестве. О чувствах. О надеждах. Но девушка ответила: "НЕТ!"

... Я помню, у этой калитки

Мне было 16 лет,

И девушка в белой накидке

Мне гордо ответила: "Нет!".

С.Есенин

Он уехал на рассвете. А через день на его имя пришла телеграмма, подтверждающая искренность его слов. Банальная история. Но сенсационная для города. Его имя **Андрей Сахаров!**

* * *

В те далекие годы (я сознательно избегаю дат) у меня была подруга Наташа. Она была студенткой театрального института, и каждое лето приезжала домой, в Аккерман, к отцу, художнику. Кареглазая, с тяжелой волной каштановых волос, Наташа казалась живой иллюстрацией к восточной сказке. В тот вечер она открыла мне свою тайну... Рассказывала подробно о далекой холодной реке с обрывистыми берегами. О маленьком дымящем пароходе, везущем молодых артистов "на практику" с концертами в поселках и стойбищах. Пароход долго и нудно "шлепал" по извилинам холодной реки. Устав от репетиций, Наташа ушла на корму парохода. К ней подошел малознакомый артист.

Разговорились. Наташа рассказала, что родители разошлись. Живет с матерью, учится. Но сердце - на родине, с отцом.

Его трагическая повесть потрясла Наташу. Сын врага народа. С 9-го класса ушел на фронт. Учился на филологическом факультете Тбилисского университета. Взяв в руки гитару - он запел. Пел необыкновенные песни. Его голос, богатый тембровыми оттенками очаровывал. Это были песни только для нее! Песни были добры, красивы, мужественны. Это было совсем не то, что пели в агитбригаде.

И пришла любовь, всепобеждающая, всепоглощающая. Святая и грешная! И не забыть мне слова песни, которые постоянно напевала моя подруга:

И в день седьмой, в какое-то мгновенье,

Она возникла из ночных огней

Без всякого небесного знаменья...

Пальтишко было легкое на ней.

Все позабыв - и радости и муки.

Он двери распахнул в свое жилье,

И целовал обветренные руки

И старенькие туфельки ее...

Ах ты жизнь, что ты подлая сделала! Они должны были расстаться. Остались лишь его песни - прекрасные и неповторимые... И его подарок, привезенный из Италии, золотой медальон с изображением Мадонны. Он был искренен. Но мы никогда не узнаем - может быть ей, нашей землячке, посвящены строки песни:

Но постарели почтальоны

И все давно переменили адреса.

Наши с вами вечные кредиторы -

Молчаливые Вера, Надежда и Любовь.

Но мне возразят - лауреат международного приза в Сан-Ремо "Золотая гитара" и "Золотой венец" - певец Арбата, а не Украины. Но может быть, его самая прекрасная песня о нашем крае сгорела, как бумажный солдатик?

Но факты - упрямая вещь. Он воспевал буджакскую степь. Прочтите малоизвестную песню Булата Окуджавы-
"Вилковскую фантазию":

Как бы мне сейчас хотелось в Вилково вдруг очутиться.

Там каналы, там гондолы, гондольеры.

Очутиться, позабыться, от печалей отшутиться.

Ими жизнь моя отравлена без меры.

Там опять для нас с тобою дебаркадер домом служит

Мы гуляем вдоль Дуная, рыбу удим.

И объятья наши жарки, и над нами ангел кружит.

И клянется нам, что счастливы мы будем.

Как бы мне сейчас хотелось очутиться в том вчерашнем,

Быть влюбленным и не думать о спасенье.

Пить вино из темных кружек, хлебом заедать домашним.

Чтоб смеялась ты и плакала со всеми.

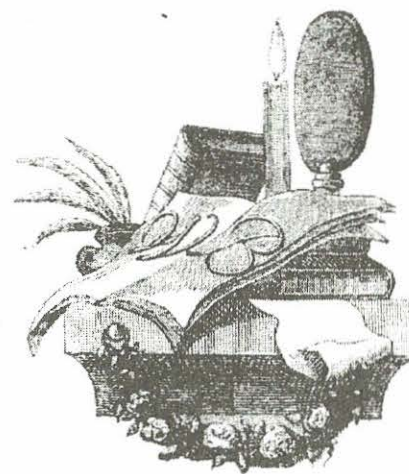
Как бы мне сейчас хотелось очутиться у причала

И к душе твоей далекой приобщиться.

И с тобою так расстаться у дунайского причала,

Чтоб была еще надежда возвратиться.

Дорогие Аккерманки! Пусть к вам всегда возвращаются любимые! Пусть Вам дарят цветы, посвящают песни. И пусть в ваших сердцах, как в песнях Булата вечно звучит "Надежды маленький оркестрик под управлением любви".

НЕВЫДУМАННАЯ, ЧУТЬ ПРИУКРАШЕННАЯ ИСТОРИЯ

*Это было у моря,
Где лазурная пена,
Где встречается редко
Городской экипаж.
Королева играла
В башне замка Шопена
И, внимая Шопену,
Полюбил ее паж...*

Игорь Северянин

Королева собиралась на первое, самое первое свидание. Тщательно гладила утюгом оборочки на воздушном платье из вольты, с нежным рисунком в виде кленовых листьев. Запудривала веснушки на носу. Приглаживала непокорный завиток волос на макушке. Придирчиво огляделась в зеркало, покружилась перед ним так, что юбка-клеш "солнце" стала зонтиком. Одеда туфельки-лодочки. Последний штрих - за розоватые раковины ушек каплю любимых духов "Белая сирень".

Паж собирался на свое первое свидание. В этих сборах дружно участвовала вся команда маленького рыболовецкого траулера "Шелонт". Паж закончил мореходку, это было его первое назначение, совпавшее с его первым свиданием. Матросы, боцман были постарше капитана, и они, помогая собраться, давали нелепые "дружеские советы". Помогли одеть новенький

белоснежный китель, поправили - чуть набок - фуражку с белым верхом и золотым крабом. Паж надушился мужскими духами "Шипр". Его туфли, на которые было потрачено пол-банки крема, сияли как лаковые.

Королева и Паж встретились возле Оперного театра. Паж бережно взял ее за пальчики правой руки, и чинно, как в старинном танце, они описали круг вокруг Оперного, затем спустились по лесенке, торжественно обогнули угол и оказались на приморском бульваре. Все скамейки были заняты, на аллее, несмотря на вечерний час, резвились дети. Откуда-то доносилась музыка. Паж увлек Королеву в тишину лунного парка... Они дошли до фонтана. На фоне вечернего неба и моря, на котором видны были контуры кораблей в гирляндах огней, сверкающие струи водопада то взлетали ввысь, то падали. Казалось, вода напевает какую-то несказанно прекрасную мелодию.

- Прислушайтесь... Это Шопен! - прошептала Королева.

Они сели на скамейку под кустом отцветшей сирени. Не рядом, а на большом расстоянии друг от друга, каждый на своем краю скамейки. Королева была комсомолкой, спортсменкой, красавицей. Ее главная фрейлина, каждый вечер гася свечи в канделябре, приседала в глубоком реверансе. И, традиционно желая "спокойной ночи" Ее Высочеству, изрекала Главную Заповедь Королевства: "Умри, но не давай поцелуя без любви". А Паж? Будучи гардемаринном, он старательно изучал Морской Устав. Преклонялся перед Великими полководцами. Особенно

словами: "Пришел, увидел, победил".

Набравшись смелости, он решительно придвинулся, обнял Королеву за узкие плечи и поцеловал! Поцелуй пришелся где-то между правым ухом и глазом.

Это было неожиданно. Королева подумала, что сейчас умрет. Это вызвало в ней протест. Она разгневалась. Легко вырвалась, вскочила на ноги и промчалась несколько шагов. Остановилась. В спускающихся сумерках она отчетливо увидела широкую канаву, идущую от фонтана вниз. Не раздумывая и секунды она перелетела через препятствие. Сказывалась тренировка - Королева была чемпионкой по прыжкам в длину.

В наступивших сумерках зажглись фонари, как большие золотистые луны. Она стояла под каскадом света. Где-то невдалеке послышался залихватский свист, треск ломаемых ветвей. Она, чисто по-детски, испугалась. Ведь это была Одесса, с ее таинственной и опасной ночной жизнью. Почувствовав себя одинокой, беззащитной Королева позвала Пажа.

Паж был обескуражен ее бегством. "Дикая серна! Ага позвала... Далеко не убежала..." На мгновение притаившись, он прыгнул через злополучную канаву. Но, увы, не рассчитал. Просто он не был чемпионом по прыжкам в длину. Через секунду он выкарабкался из канавы. Представьте себе, в каком виде! Наверное, английские трубочисты выглядят импозантнее. Жидкая грязь, наполовину заполнившая водосток, не пощадила ни его милое личико, ни ладони, ни белый мундир.

Королева протянула ему руку - милостиво, чтобы помочь. Но Паж решительно прижал Королеву к своему сердцу!

А что бы написал на пергаменте придворный летописец?! "Девочка чумазая, где ты нас замазала?" Летописец был не прав. Чумазами были двое. Они смотрели, не могли наглядеться друг на друга. И хохотали... до слез.

Затем помчались наверх, к фонтану. Редкие прохожие, издававшие виды аборигены и представители других суверенных государств, останавливались ошеломленные - в фонтане купались двое - юноша и девушка.

На фоне неба и моря, в сверкающих струях фонтана, которые то взлетали ввысь, то падали, напевая музыку Шопена, стояли двое. Они казались изысканной скульптурой XVIII века, потому что мокрая одежда повторяла форму юных тел. Да, и все видели, видели! Как Королева стала на носочки и горячо поцеловала Пажа (который в конце концов был просто обиженным мальчишкой).

И все в мире стоило этого поцелуя!

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ (БЕЗ ПРИКРАС)

*Ты стоишь печально над обрывом -
Треплет ветер золото волос.
Над простором пенным и бурливым
Реет в небе белый альбатрос.
Ты не сводишь глаз с туманной дали -
Доброй вести ждешь издалека,
Не мелькнет ли в утренней эмали
Белоснежный парус челнока.
Каждый день выходишь ты до солнца
С беспокойной думой на утес.
Ночью ждешь у темного оконца -
Не вернется ль молодой матрос?
И когда во мраке темной ночи
Ты услышишь бури злобный вой
От горячих слез тускнеют очи
И седеет локон золотой...*

И не было далее ничего... Ни встреч, ни свиданий, а тем более Марша Мендельсона. Марина “заявилась” домой поздно, в насквозь мокрому платью, с мокрыми туфельками в руках. Настоящая Золушка после 12-ти часов, когда волшебство закончилось! Как ее встретили дома, я никогда не напишу. Что ей говорили - не говорили, кричали! Я умолчу... Но поймите, какое это многозначительное молчание! А потом - стена. Стена молчания. Заговор молчания. Женя обрывал телефон - ей

запретили подходить. Не подзывали к телефону. Женя ей писал по два письма в день! Письма перехватывались. Женя и Марина были аккерманцами. Оставалась одна надежда - на встречу в Аккермане. Но наступившие каникулы и солнечный берег Затоки ничего не изменили. Наступила осень. Холодный ветер гнал, как любила повторять Марина, “золотые листья по серебряной воде”! И вдруг - среди этого ненастья, неопределенности, тоски - ПИСЬМО. Я не могу повторить строки письма, просто поверьте - слова были такие ласковые, нежные, проникновенные... Это уже было не по-детски трогательное чувство, а настоящее, всепоглощающее чувство любви! Казалось, и сам конверт горячий от этого сильного чувства! Они должны быть навеки вместе!

В постскриптуме слова фронтового поэта Константина Симонова: “Жди меня, и я вернусь, только очень жди...” И она ждала, светилась вся радостным ожиданием. И сны ей снились светлые, солнечные... Но однажды, это было в декабре, страшное сновидение. Нагромождение скал, скалы черные на фоне багряного света. Они стоят на краю глубокой расщелины. Его карие глаза сияют счастьем, его лицо, загорелое, обветренное морскими бризами... Они протягивают друг другу руки, сейчас, сейчас он ее обнимет своими крепкими руками! Ей так нужна его любовь и защита. Но... Внезапно Женя срывается. Он падает в пропасть! Его прощальный крик сливается в едином аккорде с ее криком. Этот крик в ночи поднял всех домашних. Ее тормозят, спрашивают. Но Марина молчит.

Женей...

Через несколько дней из Аккермана приехала тетка с передачей. Вечером Марина пригласила ее в кинотеатр "Короленко" на кинокомедию. Когда внимание тетки было всецело поглощено, Марина предприняла продуманный психологический прием. Она безразличным голосом задала мучивший ее вопрос: "Где сейчас ходит Женя?" Марина знала, моряки не плавают, моряки на кораблях ходят. Но тетка морские термины не знала. Ответ был как удар кинжала: "Он свое отходил... третьего дня их похоронили в Очакове".

Она закусила губу до крови, чтобы не закричать. Она сжала свои пальчики так, что они побелели, а ногти иголками впились в живую плоть. Она ПРИКАЗАЛА себе - не плакать. И это было страшно, потому что ее начал бить озноб.

Одеревеневшая, не помнила, как пришла домой. Пожаловалась, что ей плохо. Вызвали "скорую", делали какие-то уколы.

И наступила ночь в ее жизни, ночь в душе - безжалостная, бесконечная.

...Потом ты будешь помнить обо мне,

Потом ты будешь плакать - так ведь надо.

И став к окну в холодной простыне,

Молить у одиночества пощады.

Слегка оправившись от болезни, она сделала все возможное и невозможное, чтобы поехать в Очаков. Морской катер скользил на воздушных крыльях. Очаков вырос на горизонте красновато-кирпичной громадой обрывистых берегов.

Лишь лентой вилась в неведомое дорога. Марина понуро шла по улицам незнакомого города, пока не пришла на кладбище. Вечерело. Кладбище было безлюдным. Что ж, придется обыскать все кладбище!

Она буквально пролетала сектор за сектором. Методично. Вобрала в себя горечь всех этих потерь. Внезапно она поняла - надо искать не выкристаллизованную на граните или мраморе боль, а свежую могилу. Неумолимо спускались сумерки, а она металась, как ночная бабочка, бьющаяся о стекло. Если лицом к выходу - то слева шесть свежих могил. Крест, окрашенный в голубой цвет, и фотография - чуть прищуренные глаза, по-детски припухшие губы...

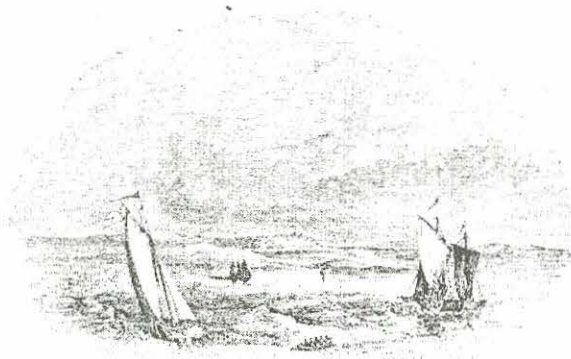
Она упала на холм земли и заплакала. Это было единственное место на планете, где можно было целиком отдаться своему горю. Она кричала и плакала, билась о землю. Потеряла голос, а потом и сознание. Очнулась от прикосновения чьих-то рук. Над ней стояла молодая женщина в черном: "Девочка, не убивайся так, милая". Марина доверчиво потянулась к ней. "Почему?" - почти беззвучный вопрос. Женщина поняла и медленно, четко ответила: "Угарный газ... Был шторм... Продрогли... Затопили печурку. Буря создала контр-тягу. В каюте накопилась смертельная концентрация угарного газа. Старшему было 26 лет... Вот и мой здесь... Мы с тобой сестры по горю. Они погибли все до одного".

Море бесконечно кружило неуправляемое суденышко.

Летучий Голландец с мертвой командой... Такая трагическая случайность...

Так трагически закончилась любовь Королевы и Пажа.

С годами Марина осознала, что через ее коротенькую жизнь прошла любовь, такая большая - БОЛЬШЕ ЧЕМ САМА ЖИЗНЬ.

МАДОННА

Все события достоверны.

Имена вымышлены.

Письмо (без знаков препинания): "...Мама сказала нагуляла дочка иди откуда пришла ты с дитем нам не нужна позор на все село одна дорога мне утопиться с ребятенком в лимане люди добрые посоветовали ты его подбрось я так и делаю пусть вам растет дочь я клянусь никогда не стану забирать".

Дописав записку, посмотрела с досадой на сморщенное личико кричащего ребенка. Пригнувшись, буквально проползла мимо окон, - так незаметно, что даже собака у ворот не залаяла. Положила уснувшего ребенка на порог чужого дома, и ушла, не оглянувшись.

На город опустила свое темно-синее покрывало ночь. Зажглись звезды на небе и огни в окнах домов.

Екатерина убаюкала свою крошечную дочурку, повторно разогрела ужин. Пора бы вернуться рыбаку с рыбалки, подумала она. Наконец скрипнула калитка. Рывкнул и замолк, узнав хозяина, черный пес Угрюм. У крыльца послышался возглас удивления. Входная дверь распахнулась. Зашел Игнат. Сетка с крупными черновато-коричневыми пятнистыми бычками буквально плюхнулась у вешалки. А на стол хозяин положил сверток - темно-синий крестьянский клетчатый платок. Катя с любопытством развернула сверток и ахнула - в свертке лежал ребенок! Новорожденная девочка, одетая в ситцевый чепчик и белую распашонку, отороченную зеленой лентой. Девочка была темноволосая, большеглазая. Пока она сосала сосредоточенно свой кулачек, ее осмотрели, прочли

записку. Тельце ребенка казалось прозрачным, особенно покров живота, через который угадывались голубоватые петельки кишечника.

“Какое счастье нашему дому - сестренка нашей Дашеньке”, - сказала Катя. Игнат угрюмо молчал. Нагрев воды, Катюша выкупала ребенка в ванночке, запеленала, накормила, уложила в коляску. Дашенька спала в деревянной кровати-манеже.

Ночь прошла тревожно, дети кричали поочередно, не давая сомкнуть глаз - супруги оба не спали. Катя непрерывно поочередно убаюкивала, меняя пеленки, поила то одного, то другого малыша. Наконец, утихомирились. И тогда Игнат заговорил: “Ты думаешь, я разрешу оставить малыша в доме?!” Катя ахнула. У нее перехватило дыхание. Она упала на колени. Из глаз потекли слезы. Она с мольбой протянула к мужу руки. Но Игнат был неумолим: “Ты просто молодая и ничего не понимаешь, твердил он. Надо мной будет смеяться, потешаться весь город. Скажут - я отец ребенка.

И мне с эти позором жить! Если оставишь, я уйду из дома”. Утром без завтрака, Игнат ушел. Покормив младенцев, Катя одела импортное розовое плиссированное платье в белую полоску. Дочурку доверила сердобольной бабушке-соседке. На подкидыша надела кружевной чепчик, запеленала, поместила в нарядный конверт, из которого Дашенька выросла. Нарядный розовый бант завершил сбор.

Вначале она обратилась в детскую консультацию. Был вызван представитель детской комнаты милиции, составлен акт о находке, но забирать ребенка не торопились. Катя, с разрешения, обратилась в знакомую бездетную семью. Но, увы,

увы, девочку никто не хотел брать. Маленький человек был как ненужный брошенный щенок! • Детский врач внезапно вспомнил, что в Шабо проживает семья, которая когда-то выразила желание взять ребенка из детского дома. Катя очень обрадовалась. Надежда согрела ее. Как ей хотелось дать безмянному найденышу теплое, уютное, родное гнездо!

Но, по указанному адресу, она не встретила ни чуткости, ни понимания. Августовское солнце жгло немилосердно, ребенок оттягивал уставшие руки. Запасные пеленки закончились. Ребенок кричал. Обратный автобус задерживался. Катя решительно направилась в детское отделение районной больницы. Показала дежурному врачу документы, объяснила ситуацию. Попросила оставить, ненадолго, малышку. Дежурный врач ребенка оставил. Лишь нянечка бежала за Катей до остановки и причитала: “Крокодилица”. Свое родное дите бросила! У Кати сердце разрывалось от боли. Хотелось броситься назад, прижать к груди и никому никогда не отдавать эту, ставшую в одночасье родной, кроху. Но вспомнила свою родную Дарью, Игната... Ее задача сохранить семью. Ее долг - найти маму Найденыша.

О, сколько трудов она положила пока нашла ее! Это был действительно подвиг!

Наконец, они ехали в машине - найденная мать, прижимающая к груди живой, теплый, найденный комочек и Катя. Эта женщина - молодая, красивая, после двух операций, была обречена никогда не стать матерью. И вдруг... Она светилась от радости. Катя подумала: она вылитая Мадонна Литта! Кажется она произнесла это вслух. Слово стало

узкий круг лиц. После официального оформления документов, несколько усложненных обстоятельствами, счастливые родители навсегда покинули город...

Прошли-пролетели 5 лет в жизненной круговерти... Все реже Катерина вспоминала Подкидыша и Мадонну. Но в один день... У ворот - иномарка.

Оборвался лай собаки. Детский крик... Она выскочила из комнаты. Неизвестная женщина тянула упирающуюся Дашу в машину. В пыли валялся синий плюшевый медвежонок, какие-то конфеты в цветных обертках. Катя бросилась, как львица, в защиту детеныша. "Это моя дочь, - заявила женщина, - я оставила ее здесь ВРЕМЕННО, пять лет тому назад. Я удачно устроила свою судьбу, но детей у нас нет. Муж, узнав, что я ВРЕМЕННО оставила Вам своего ребенка, приказал забрать".

Катя внимательно посмотрела на существо, которое вновь пришло к ее порогу. Не зовом сердца, не раскаянием... В первом случае - безответственность, во втором - приказ сожителя! Катя задышалась от волнения: "Посмотри на девочку! Она золотоволосая, зеленоглазая! А твоя была бы смуглой, темноволосой, кареглазой".

"Ничего. Она будет заложницей, - нагло заявила женщина, - по крайней мере, пока не скажешь, где моя дочь!".

Внезапно вмешалась Дашенька. Звонким голосом она закричала: "Тетя, вашу маленькую девочку забрала Мадонна!..." "Устами младенца глаголет истина", - сказала Катя. Женщина опустила заложницу, перекрестилась. Даша бросилась в объятия матери, а незадачливая похитительница заторопилась к машине.

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ.

ПОСЛАНИЕ ИЗ ПРОШЛОГО

Вечереет. На столе передо мной - тарелка почкообразной формы с незатейливым рисунком и с навсегда утраченной позой. На лицевой стороне начертано вполне различимо: "Ливания", а на обороте крохотная корона и буквы: А II. У этой реликвии две особенности - она не любит уходить из моего дома, всегда возвращается. Вторая особенность: создает некую вихревую воронку" - и время летит назад. Вот и сейчас, сквозь дымку времени, я вижу черты человека, имя которого начертано на тарелке - Александр Второй. Он вполне соответствует описанию очевидца Марка Твена: "Намного величавее императора Наполеона и во сто крат величественнее турецкого султана".

Александр, путешествуя, принял решение остановиться в импальной семье Долгоруких. Старые князь и княгиня, нехотели, болельны инфлуэнцией. Это опасно и они изолированы во флигеле. Царя должна встретить дочь - Екатерина. Долго и упорно французженка гувернантка оттачивает ее манеры: "Неприлично ходить вприпрыжку, надо "держат спинку", не расставлять локти, держать их при себе, когда изволите кушать...". Девушки-орничные моют и несколько раз в день расчесывают шелковистую гриву волос. Белошвейки срочно сшили платье из белоснежного знаменитого индийского муслина (15 метров в ширину свободно проходит через обручальное кольцо). Платье воздушное, все в сборках. Белая атласная лента-пояс завязывается сзади огромным бантом-мотыльком. Белые длинные панталончики обшиты брюссельскими кружевами. Белые атласные туфельки ждут юную хозяйку.

из-за долгой опалы катюша таит в душе неприязнь ко всем царям. Взобравшись на спину своего любимца Кинга она с большим удовольствием топчет перед парадным входом цветочную клумбу, имеющую форму царского вензеля. Над этим шедевром всю ночь трудились крестьяне под руководством садовников. Для этого были опустошены все цветники и оранжереи. И, наконец, измазанная, в изорванном рединготе, она не успевает переодеться. Вот он, царский кортеж! Александра встречает княжна Долгорукая, нелепого вида девица в рваном рединготе и бриджах, из которых она явно выросла. Она приседает в нелепом реверансе. Александр никогда не видел такого церемониала. Он хохочет безудержно. Но, заметив слезы обиды в глазах девушки, великодушно произносит: "Потрясен достойной встречей. Назначаю Вас своим личным адъютантом".

Вечером в парадной зале весело горят, потрескивая, дрова в камине. Колеблется пламя свечей в массивных канделябрах. Сидя на персидских коврах, в ярких сарафанах и жемчужных кокошниках девушки-крепостные поют для царя. Тихо-тихо, как журчание ручейка, песня-плач наливается силой. Вливаются новые и новые голоса, кажется - она просится на простор.

Александр смотрит на жар покрытых белой золой углей... Ему тепло и уютно в массивном кресле. Новый адъютант в своем белом платье, с головкой, увитой тугимим локонами, дремлет. О чем думает император? О жестоком крепостном праве. О том, что он ДОЛЖЕН дать и этим девушкам и всем крепостным свободу.

Ночь накануне Сочельника в Смольном... Величественно-прекрасной архитектуры, какого-то необыкновенного лазурно-изумрудного цвета с богатой белой лепниной. Институт благородных девиц погружен в сон.

в дортуарах не спят юные смолянки. Завтра, нет, уже сегодня, по незыблемой традиции приедет государь, и по рекомендации педсовета увезет самую прилежную, благовоспитанную смолянку кататься на тройке. У княжон Орловой, Олениной, Ланской, Горчаковой было больше всего шифров в каждом предмете и по поведению, чем никак не может похвалиться Екатерина Долгорукая. Но Катя утверждает, что эта честь будет доставлена ей, потому, что она - адъютант государя. Грохнувший дружный взрыв смеха разбудил дежурную фрейлину, и девушки разбежались, притворившись спящими.

Назавтра ОН пройдет мимо низко склоненных в поклоне воспитательниц и воспитанниц и увезет на тройке с бубенцами именно Катю - в серебряную сказку зимнего леса, где ветер играет на органе сосен, а с неба падают мириады снежинок. Кате тепло под меховым пологом рядом с государем. Она отрывает незаметно, себе, как сувенир о незабываемой поездке, хвостик горностая от царской шубы.

А дальше - все будет.. Нет - это все было. Предательство подруг (которым показала свое сокровище - хвостик горностая). Холодный карцер и Великая Милость. А спустя годы - я всепоглощающая взаимная Любовь, которая была ему дороже короны и трона (когда Катю насильно выслали во Францию, он все оставил и бросился за ней).

И сколько раз их согреет солнце Ливадии. Ливадия - сказочный мир на восточном склоне горы Могаби. И сколько раз луна осветит анфиладу дворца, своими лучами сквозь листву пальм, кипарисов, азалий и рододендронов. Блики луны сверкнут на кованых решетках, ажурных воротах... Луч высветит уголок роскошного интерьера. Сервировка на двоих... и эту тарелку...

Сколько горьких, изломанных человеческих судеб. Сколько костей крепостных, бежавших от помещичьей неволи лежат в Буджакских степях? А там, в далекой России оставались еще два миллиона рабов, которых продавали как скот, истязали.

Александр Второй осуществил эпохальное событие - отмену крепостного права и другие важные реформы: земскую, судебную, военную.

До недавнего времени прошлое замалчивалось и искажалось. Время рассудило: кто - жертва, кто - убийца. 4 апреля 1866 у ворот Летнего сада гремит выстрел Каракозова. 1867 - в Александра стреляет поляк Березовский. 1880 - гремит взрыв в императорском поезде. 1880 - страшный взрыв потряс Зимний - 10 убитых, 50 раненных. 1 марта 1881 - горестная дата. Тайную жену, некоронованную императрицу, горячо любящую женщину терзают предчувствия. Она пытается задержать своего Александра. Но государь неумолим. При возвращении из Манежа домой заезжает в Михайловский дворец.

В 2 ч. 15 мин. государь выезжает на набережную Екатерининского канала. Гремит взрыв. Александр весь окровавлен, ноги перебиты. В 3 ч. 15 мин. сердце императора остановилось...

Екатерина рвется в Петропавловский собор, где в пышном убранстве находится гроб с телом мужа. Но ее не пускают. Она часами стоит у входа. А когда собор пустеет из-за наступившей ночи, а свечи догорают - зажигает Свою Свечу. Сонный священник всецело погружен в заупокойную молитву. Катя припадает к груди любимого, покрыв пеленой своих рассыпавшихся густых шелковистых волос. Как он любил целовать прядь за прядью этот теплый, струящийся, шелковистый поток!

Сверкнули ножницы. Мгновенье - и венки из волос последним даром ложится к сердцу любимого... -93-

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

Мы выехали из Аккермана в морозный, ветреный, пыльный февраль - и после перелета Одесса-Адлер очутились в весне. Воздух был свеж и наполнен ароматом цветущих мимоз. Мы сели в автобус санатория, и, не отрываясь от окон, любовались видами Сочи, Гагр.

Подъезжая к Пицунде, сопровождающий, до сих пор не проронивший ни слова, стал рассказывать о международной встрече на высшем уровне, которая состоялась считанные дни тому назад. "Еще недавно вдоль трассы шумел восточный базар", - рассказывал экскурсовод. Всего за одну ночь силами воинского подразделения высажены многолетние кипарисы, пальмы, кустарники.

И, наконец - Пицунда. Ярко-синее море и такой купол неба, какой бывает на лубочных картинках. Величественный архитектурный ансамбль - как жемчужины на нитке - вереница 14-ти этажных зданий.

У первого здания скульптура: на арке - ныряльщики и дельфины. Каждый корпус имел свое поэтическое имя. Нас поместили в первый, в "Апсны", на 8-ом этаже. В корпусе были скоростные финские лифты, обширные холлы с мягкой мебелью. В громадных вазонах - цветущие азалии.

Санаторий обслуживал летом иностранцев - за валюту, а зимой оздоравливал аборигенов страны Советов. Наша скромная палата была не с видом на море, а с видом на парк.

на уникальную вымирающую реликтовую сосновую рощу. За деревьями ухаживали, лечили. Каждое дерево имело свой номер. Отыскав с трудом, молча, стояли мы у дерева № 1.

Мы любовались галькой, расписанной ударами волн замысловатыми узорами, как пасхальные яйца Фаберже. Восторгались взлетами дельфинов над волнами, видом розовогрудых чаек, буйным цветением тропических растений и звуками органа в разрушенном храме...

Но солнечных дней было до слез мало. Шли затяжные проливные ливни. Но, я была счастлива, что рядом со мной - день и ночь была дочка, Алена. Я очень много дежурила в больнице. Мне всегда казалось, что я недостаточно времени уделяю подрастающей дочери, и дождливые дни были для нас часами сердечного общения, надеждами, мечтами, жизненными уроками и доверительными беседами. Денег у нас было предельно мало. Но, урок № 1 - малые деньги - тоже деньги. Надо уметь тратить! И мы - тратили. На один на двоих апельсин в день. На одну, но самую красивую камелию. На одну - полюбившуюся игру в зале игровых автоматов. Но сыгранную с таким старанием, с таким блеском, что наградой были слова: "Ваша девочка выбивает больше очков, чем недавно сыгравший...", - здесь упоминали имя человека, приближенного к первому лицу государства. В вишневом бархатном платье, с волной темно-каштановых волос ниже лопаток, с вишневой камелией в руках дочка привлекала

всеобщее внимание. Газет мы не покупали (берегли деньги). Последние известия нам дарило море. Ветер надувал страницы газет парусом в руках отдыхающих, греющихся на гранитных волнорезах, уносил их в море. А волны прибывали их на берег, к нашим ногам. А взамен мы бросали в море бутылки со смешными записками о терпящих крушения каравеллах.

Но самым тревожным для меня временем был вечер. Алена начинала канючить: "Мама, танцы". Этих танцев я боялась, как огня. Меня предупреждали: абхазцы - народ горячий. Да и песня у них была: "мы абхазские ребята очень весело живем, из пицундских пансионатов кого хочешь увезем..."

И, говорят, увозили. Слушая эти страшилки (рассказы) я тосковала по Карпатам с вековыми смеричками-елями, с серебристыми водопадами, домиками и церквушками в ажурном орнаменте деревянных кружев. И народ в Карпатах ласковый, уважительный, о рэжете и не слышно. Здесь же, в апельсиновом раю все аборигены в моем представлении были либо негоциантами, либо рэжетирами.

Но, все же, мы шли на танцы. Что за отдых в дождливый вечер в четырех стенах. Каждый вечер нас кружила музыка. Дочь, легкая, гибкая, с волной теплых разлетающихся волос, всегда была в центре круга.

Но вот однажды... Он появился внезапно, когда танцы были в разгаре. Шапка черных волос, темные густые брови, сросшиеся в переносице. Орлиный нос.

Запомнились ярко фиолетовые брюки клеш. Он обратился ко мне с легким акцентом: "Разрешите пригласить вашу дочь на танец. Я ответила: "Моей дочери 14 лет, ее право решать танцевать или не танцевать с Вами. Мы жители свободного Белого города, принуждать у нас не принято".

Через несколько минут он вернулся. Глаза метали искры, лицо - в красных пятнах. "Ваша дочь мне отказала" - воскликнул он. "Бывает", - сочувствующе и миролюбиво сказала я. "Но мне еще Никто и Никогда не отказывал!", - он продолжал кипятиться. "В таком случае поздравляю с Первым отказом", - не выдержала я. Он склонился над самым моим ухом. Его голос, до сих пор звучавший фальцетом, приобрел рычание льва: "Вам это дорого обойдется!" Я похолодела. Окаменела, как может окаменеть мать перед опасностью. Но, как серна, бросающаяся на льва в защиту детеныша, отпарировала: "Вам это обойдется дороже! Разве вы не знаете??? Это ведь... племянница Косыгина! После моего экспромта незнакомец исчез, и мы о нем забыли.

Утром в столовой нас пересадили за столик за ширмой. Из борща исчезли ошметки сала, которыми мы подкармливали санаторских охотничьих псов, а появилось мясо. В вазах фрукты, кока-кола. Утром, в день рождения дочери нас разбудил стук в дверь. Я открыла спросонья, и очень удивилась, увидев в проеме двери служащего санатория в униформе с кокардой. Он протянул мне охапку белоснежных

кал, по счету лет дочери - четырнадцать! Мы приняли цветы, как должное. Нам сменили покрывала на кроватях. Под ногами расстелили мягкие, пушистые ковры. К восторгу дочери появилось кресло-качалка. Миниатюрный телевизор и хрусталь не произвели на нас впечатления. Мысли витали в Мюссерских пещерах, у Голубого, самого глубокого озера в мире - у бриллиантового, в обрамлении сосен, озера Рица. Но пришлось спуститься с нее на землю.

Молоденькая горничная тщательно пылесосила номер, и я решила дать ей на чай. Реакция была ошеломляющей. Она заявила, что если возьмет с нас хоть "трешку", ее уволят. Лишь тогда нас "озарило". Незнакомец имел связи с администрацией санатория.

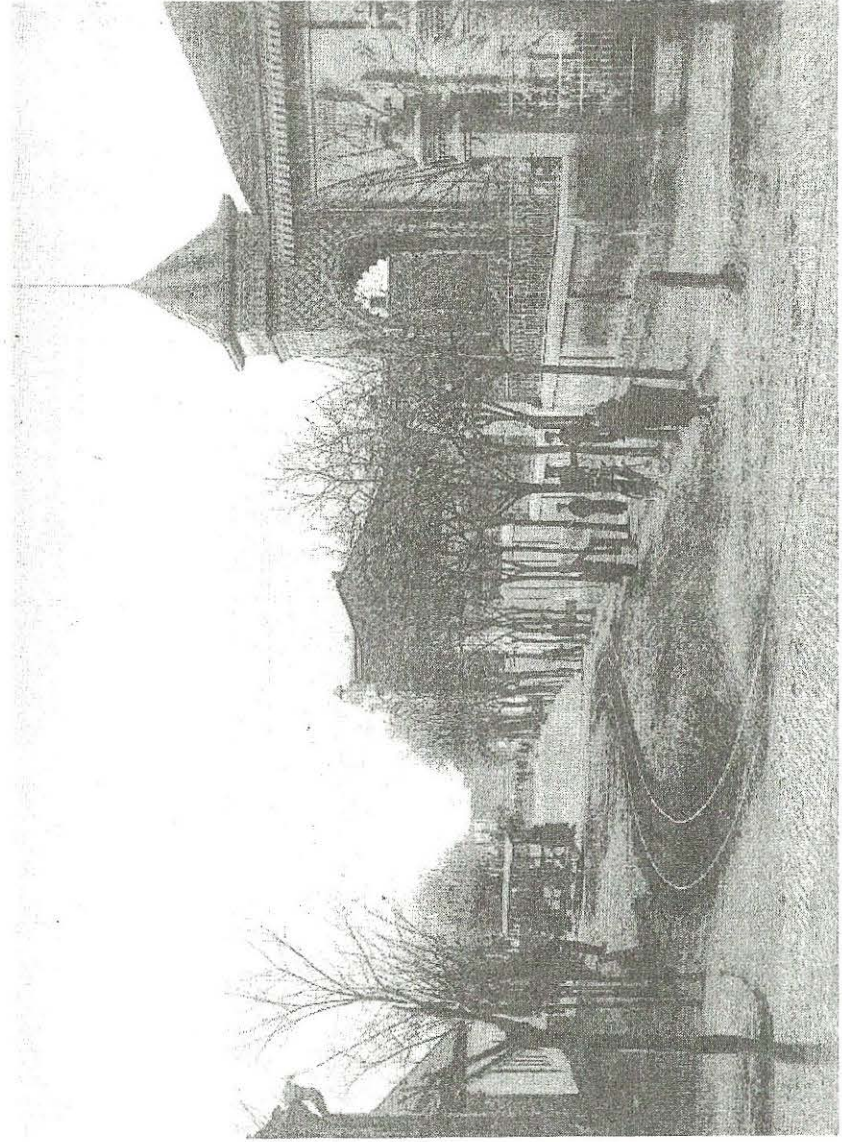
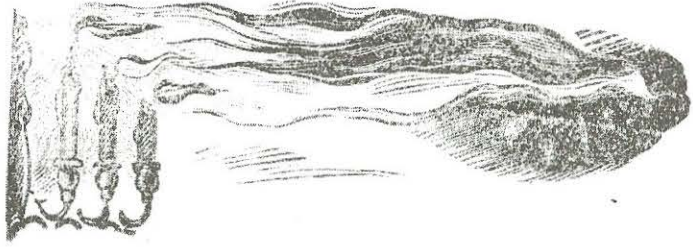
Очевидно, он сообщил, что в санатории "инкогнито" отдыхают именитые люди. Я приняла решение - уехать.

Досрочно. Сославшись на здоровье высокопоставленного родственника, который жаждал нашего быстреего возвращения, мы тепло поблагодарили весь обслуживающий персонал.

Но уехать незаметно нам не позволили. Впереди кортежа постоянно мчалась машина ГАИ, в рупор раздавались приказы: "Освободите дорогу! Остановитесь у обочины!"

По бокам рокотал почетный эскорт мотоциклистов, отважных абхазских ребят. В роскошном сияющем лимузине мы торжественно-величаво отбывали в аэропорт...

Мы смущенно улыбались - а море, море рокотало и хохотало мириадами солнечных бликов, сверкающих в волнах. И мир казался добрым и сказочно-прекрасным...

По нынешним улицам Пушкина и Ленина были проложены рельсы, по которым конка возила трамвай.

Особняк Л.А.Волконской

И розовой жемчужиной день
Лежит в оправе сонного залива
Максимилиан Волошин

Алла Лозовская
ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Спонсор этой книги -
Владимир Аврамович Ерущенко

Редактор Н.А.Кузнецова

Тираж 100 экз.
Отпечатано фирмой "Владимир"
г.Белгород-Днестровский

2000 год

**Фото Алексея Лебедева
Дизайн Натальи Кузнецовой**